

Мир(а) И МЫ:

В ПОИСКАХ
ЦЕЛОСТНОСТИ

—
Виктория Ратголец

Роман про
реальную
ЖИЗНЬ
человека
с
РАССТРОЙСТВОМ
ЛИЧНОСТИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Виктория Ратгольц

Мир(а) и мы: в поисках целостности

<https://litres.ru/73987698>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мира привыкла думать, что у нее просто плохая память, проблемы со сном и слишком много тревоги. Жене срочно нужны деньги, чтобы не вылететь из университета и не утонуть в долгах. Их случайное соседство должно было стать временным решением, но постепенно раскрывает травмы каждой.

«Мир(а) и мы: в поисках целостности» — роман не только о жизни с диссоциативным расстройством личности. Это хрупкая история о поиске себя, исцеляющей дружбе и надежде, которая помогает выстоять, когда привычный мир рушится.

Содержание

Часть первая: Dissociative	4
5 сентября, 2023	6
6 сентября, 2023	23
16 сентября, 2023	36
17 сентября, 2023	54
22 сентября, 2023	67
30 октября, 2023	85
31 октября, 2023	99
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Мир(а) и мы: в поисках целостности

Часть первая: Dissociative

1¹

14 февраля, 2024

Народная мудрость с YouTube гласит: если ты задумываешься о походе к психологу, значит, тебе точно нужно к нему пойти. Возможно, сразу к психиатру.

*Итак, дорогой дневник, я пишу тебе, потому что денег на психолога нет, а выговориться надо. Еще нет денег на еду, жилье, новые кеды и зачет по физкультуре. Преподаватели на первом курсе когда-то просили нас в качестве практики нового языка вести дневник на иностранном. Что ж, самое время: *laviescraint*².*

Дневник, прости, но я попала в такую ситуацию, которую могу рассказать только тебе. Потому что с вероятностью 99%, если я расскажу ее кому-то, меня отправят в комнатку с мягкими стенами. С вероятностью 100% выгонят из квартиры. И что еще хуже, это точно будет угро-

¹ разобщающий, диссоциативный (англ.)

² Жизнь – отстой (фр.)

жизнь жизни минимум четырех людей.

5 сентября, 2023

Женя

— Полное merde³!

Пункт первый: надо научиться ругаться про себя. Пункт второй: пожалуй, это мой последний раз на этой паре. Или на парах вообще.

Все смотрят так пристально, словно на мне написан ответ, как получить автомат по этой нудятине. Зато сразу видно тех, у кого за волосами спрятаны наушники с аудиокнигой или подкастами — как сидели с умным видом, так и сидят. Смотрят на застывшего на месте препода, который с еще большим недовольством уставился на меня. Похоже, самое время провалиться сквозь землю.

— Извините, — только и получается выдавить из себя и проскользнуть под парту. Все увидели, что мне стыдно? Уже можно продолжить? У меня там важное сообщение.

— Я ценю Вашу преданность второму иностранному языку, но сейчас у нас лекция по истории английского. Так что соблюдайте тишину.

— Или материтесь по-английски, — добавляет кто-то с парт ниже, и смех однокурсников вытягивает меня со дна самобичевания.

³ дерьмо (фр.)

Еще пара угроз пересдачи, и мы продолжаем наш интереснейший экскурс в информацию, которая пригодится разве что единицам. Тем отчаянным, кто решит связать жизнь с наукой, самопожертвованием и репетиторством по вечерам за копейки. Одним словом, история совершенно не про меня.

— Умеешь привлечь внимание. Что у тебя случилось?

Я подглядываю в экран ноутбука Насти, конспект которой похож на зацензуренную версию эротического романа — то и дело встречаются пропуски на месте слов на древнеанглийском. Шах и мат, век технологий! Ноутбук даже не может элементарно переключать латиницу на футарк!

Но Настин вопрос возвращает меня в жестокую и бедную реальность. Что куда страшнее — тревожную реальность. Снова этот комок внутри, который рвется наружу и бьет под ребрами. Снова холодные кончики пальцев. Снова перед глазами его сообщение. Не зря поменяла имя контакта на «Сволочь, но с деньгами». Показываю ей экран телефона, где десяток моих сообщений прерывает единственная строка бездушного мессенджера: «Пользователь ограничил круг лиц, которые могут ему написать».

— Ну, это должно было рано или поздно случиться.

— Спасибо за поддержку.

Именно эти слова мечтаешь услышать от подруги, когда тебя кидают на деньги. Все плохо, надо хотя бы лекцию попытаться послушать, вдруг поможет отвлечься. Что-то там

про Вильгельма Завоевателя и норманнов. Хорошо парню, ничего не скажешь — пришел, захватил территории и жил себе припеваючи. А вот что делать, когда в суровой реальности ты не можешь просто занять чужую квартиру, а должен ее оплатить? Еще и отдать долг за три месяца? Нет, бубнеж препода уж точно нельзя назвать терапевтичным.

Устройся на нормальную работу или переезжай в общежитие. Так даже проще будет. Чего ты сама в квартире обустроилась?

Ну нет, не сейчас. Потрясти головой, постараться избавиться от навязчивых мыслей. словно без них у меня мало проблем! Интересно, а какая психологическая травма сопровождается тем, что ты периодически в голове слышишь голос мамы? И еще сразу же представляешь ее фирменный взгляд: упрек вместе с типичной добрейшей улыбкой всех матерей. Может, им в роддоме выдают инструкцию по общению с детьми? Как раньше в «ИКЕА»? Красочную, с иллюстрациями мимики и жестов, когда они отпускают тебя гулять, но при этом ты чувствуешь себя виноватой. Или когда уезжаешь в другой город и выматываешься учебой, о чем мама постоянно забывает и пытается дозвониться во время пар. Да, даже если я на них редкий гость.

— А теперь перейдем к курсовым работам.

Затекшая спина хрустит громче приличного. Наконец, та самая фраза, ради которой стоило держаться все эти часы. Перед глазами начинает уменьшаться долг на кредитке, хо-

лодильник пополняться продуктами из доставки... Нет, не так, сперва оплатить квартиру за лето. Потом купить себе уход для волос и кожи. Обязательно подороже, нервы влияют на внешний вид. Или даже сходить к косметологу? А потом...

— Можете выдохнуть — из-за практики курсовых не будет!

Слетевший с губ мат скрывается за десятком вздохов облегчения. Весь поток разом получает вольную, пока я примеряю на себя кандалы бедности наравне с перспективой остаться жить в коробке на улице. Или что еще хуже, переселиться в общежитие — там коробку придется делить с тараканами.

Надо добыть деньги любым способом. Надо уметь выкручиваться.

В виске начинает пульсировать, когда пара официально заканчивается и можно сорваться с места. У меня остается единственная надежда, последний шанс выжить в своем мирке. Даже не так — остаться жить в привычном комфорте, не примеряя на себя стереотипы о бедных студентах и питании гречкой дважды в день. Ринуться в коридор, растолкать особо медлительных сокурсников. Стоило бы идти привычным шагом, поздороваться с парой-тройкой преподавателей, которых я видела разве что на сессии. Не оставлять на плече синяк от резко открывшейся двери в аудиторию. Но азарт толкает меня вперед, будто за несколько секунд нужный мне

стенд может испариться.

Заветный листик висит выше всех, заставляя пожертвовать белыми кедами и подняться на носочки. Еще один пункт на будущее — купить новую пару контактных линз. А пока нужно пробиться среди толпы, превратить смазанные буквы листочка, как назло, невероятно маленького, в четкий текст.

— Третий курс лингвистики, курсовая по литературе и еще одна курсовая по истории языка. Второй курс переводчиков — по теории перевода, — бормочу я, заодно мысленно перебирая потенциальных клиентов. Основная надежда на выпускников, которые не хотят писать диплом, но готовы заплатить за качественную работу.

— Тебе надо было не на иняз поступать, а на физкультурный, — ворчит Настя, пока я пытаюсь сфокусировать камеру на учебном плане. — Какие шансы в этом году выжить великому махинатору?

— Средние, почти все курсовые рассчитаны на год. Сдавать в то же время, что и дипломы. Даже если возьму у проверенных студентов предоплату, то мне хватит разве что на два месяца закрытия долгов. Кто только продумывал нагрузку!

— Может, официальную подработку найдешь? В кафе, например. Ну или лаборантом, у них постоянно текучка кадров.

— У них оттого и текучка, что они круглосуточно бумаж-

ки перебирают за копейки. Да и куда мне с моими прогулами работать на кафедру? Погоди-ка...

В суматохе вокруг стенда выделяется одно мирное пятно. Уставшее, у которого явно не было каникул и которому предстоит находиться в университете еще не один час. Девушка с кучерявыми волосами, подвязанными в высокий хвостик, напоминает облачко. Точнее тучку, уставшую и с глубокими синяками под глазами. Лаборант одной из кафедр, которая даже однажды связывалась со мной, чтобы узнать причину прогулов. И что куда важнее — человек, который готовится вывесить на стенд новый учебный план филфака. Один взгляд, и сразу понятно — филфак отныне новый любимый факультет.

Бедолаги, надеялись изучать все четыре года, а то и пять лет, «великий и могучий», а в итоге узнают, что иностранный язык обязателен для всех курсов. Надо связаться с теми, кому раньше я выполняла заказы по английскому. Ведь в этом году им явно придется несладко.

— Хочешь, угощу тебя кофе в честь первого дня? Помощь голодающим.

— Ну уж нет, Насть. Кофе с меня. Деньги явно скоро появятся.

Что ж, вот и пригодится курс математики из школы. Перед глазами мелькают цифры и примерные цены за каждую работу. Несколько словарей с дефинициями, листов на сорок. Транскрибация пары-тройки рассказов. Желательно в

месяц. И это еще без курсовых, которые надо сдать к зиме. За такое полагается отдавать процент тем, кто разрабатывал программу филфаку. Человеку явно крайне жестокому, но весьма гениальному.

— Артем не подойдет, шибко умный, он тогда просто не успевал. Света и в прошлый раз оплатила на месяц позже...

Мое бормотание заканчивается вместе со ступеньками на второй этаж. Шаг, другой, я успеваю вовремя выставить руки и впечататься в мозаику не лицом. Ну уж нет, дорогая alma mater, ты можешь оставлять след у меня в душе и бюджете, но уж точно не на лбу. Вот так жизнь и срабатывает — пытаешься вспомнить надежных клиентов с филфака, а в итоге находишь разве что мозаику с пионером. Судя по улыбке, у него точно не возникало проблем с английским.

— Давай-ка ты свой бизнес-план в «Зацепи» составишь. Там уютные столики есть. И меньше шансов умереть.

Кофе! Точно!

— Идем в «One Price»! Даже не обсуждается!

— Но они же работают на вынос. Там толком не посидишь.

— Мы на лекции полтора часа сидели. Ты на фитнес ходишь, чтобы потом сидеть целыми днями?

— Туше, — на выдохе произносит Настя и волочится вслед за мной.

В небольшой кофейне оказывается куда больше народа, чем она может в себя вместить. Вот тебе и начало учебного

года — первокурсники пошли в более распиаренные места с красивыми локациями и столиками для коворкинга. Былые студенты героически отстаивают очередь за вкусным, но, куда более важно, недорогим кофе с бесплатными сиропами. Их даже сразу видно — с синяками под глазами, которые въелись в кожу за несколько лет. Они нервно притоптывают ногой, возмущаясь, что напитки готовятся больше десяти секунд.

— Тебе вообще кофе в твоем состоянии разрешено? С твоими приливами энергии надо бы исключить кофеин и сахар.

— Из моей жизни надо исключить очную учебу.

— Отличные слова на четвертый учебный день.

Спасибо генетике моих родителей за мой рост и необходимость подниматься на носочки. А еще спасибо тебе, кто придумал форму для сотрудников кофейни. Зачем вообще нужны эти толстовки? Безликие и скрывающие фигуру. Окей, пусть и безумно удобные. Сейчас они превращают всех бариста в братьев-близнецов. Или сестер. Ничего не разобрать!

— Холодный бамбл готов, забирайте!

Рыже-черный стаканчик размером с бутылку воды появляется в окошке выдачи. Там же мелькает рука с задранным рукавом. Яркое пятно, при взгляде без линз и вовсе смазанное, бесформенное, но точно желтоватое, с красными пятнами и рыбьим хвостом. Мира, как же я рада, что когда-то ты сделала тату!

— Здравствуйте, что закажете?

Дурацкий формат, где заказы принимает отдельный человек, а бариста превращается в неприкосновенную личность. Жизнь, а можно поменьше проблем на моем пути?

— Что угодно, только мне нужна на пару минут Мирослава.

Кассир усмехается и закатывает рукава толстовки. Запястье тоже с рисунками. Интересно, им вместо зарплаты выдают купоны в тату-салон?

— Вообще-то у нас запара. Могу вместо Мирославы посоветовать нашу осеннюю новинку — пампкин латте. Подается со взбитыми сливками и семечками сверху. Можем сделать холодным.

— И вместе с издевкой над мировым языком... Давайте. — Мне остается только скривиться, когда чек с заказом отдадут одному из бариста. Да, это точно она. Из-под кепки выбиваются непослушные темные кудри, на веках смазанные тени. Даже улыбается посреди смены. Значит, в теле этого человека еще остаются признаки жизни.

— Мира, привет!

Ее пузырь, безопасный, полный чеков и кофейного аромата, разом лопается. Она хлопает глазами, пытаясь сообразить, кто из очереди мог ее окрикнуть. Наконец она замечает меня и пожимает плечами.

— Привет! Прости, работа.

Нет уж, Мира, это ты меня сейчас прости за мой выкрик.

— У вас в этом году курсовая и экзамен по английскому!

Я вместе с бубнящей очередью едва не подпрыгиваю от дребезга упавшего питчера. Молочные всплески темными пятнами оседают на рукавах бариста. Работа, как и само время, замирает, выключив уведомления телефонов, гудящие кофемашины и саму Миру. Она беспомощно застывает, уставившись в пол. Секунду, две... Ее взгляд не перестает сверлить кроссовки, под которые затекает белая лужица.

— Самое время тебе пойти на перекур, — сдается кассир, и мое чувство вины разом превращается в сладкое ощущение победы. Маленькой, но такой нужной именно сейчас. — Мира, ты меня слышишь?

Девушка резко встряхивает головой, часто моргая. Похоже, питчер ее ненадолго контузил. Да уж, английский до добра не доводит.

— Да, что?

— Даю десять минут на перекур, потом возвращайся, идет?

Я дожидаюсь момента, когда жертва моего почти преступного замысла покидает кофейню, и направляюсь следом

— А как же заказ? — кричит вслед Настя.

— Ты ведь хотела угостить меня, так что действуй!

Облокотившись о стену, Мира выпускает тонкую струйку дыма с запахом ментола.

— Извини, что отвлекла от работы.

— Да ладно, хоть перекурю, — Мира даже не смотрит в

мою сторону, только наблюдает за дымом и волочащимися в пробке машинами. Это ее собственный вид медитации, или она представляет весь геморрой будущей сессии?

— Слушай, я могу тебе помочь. Как и в прошлом году. В итоге ведь зачет по английскому вышел, еще и автоматом. Что скажешь?

Фирменная кепочка выпускает на волю кудрявые локоны. Как будто какой-то щит, закрывавший Мира лицо, она спасала ее от окружающих шумов и помогала сосредоточиться. Еще несколько секунд без ответа, и я ощущаю подступающие приступы волнения. Тихо, тихо, не накручивай. Давай же, Мира, у меня уже выстроен идеальный план, я уже знаю, как жить дальше. Не надо ломать мне идиллию, не надо принуждать к поиску запасного варианта.

— Хорошо. — Пульс возвращается в норму. Мира, я тебя обожаю за твое согласие и ненавижу за драматичные паузы! — Ты меня тоже извини, что-то странно себя чувствую. Давай вечером я тебе напишу, договоримся о цене.

— Конечно! Как и в прошлый раз, все дз, проекты. Ну и курсовая?

— И курсовая, — Мира пытается сохранять спокойствие, даже некую радость, но ее пальцы нервно отбивают ритм о кирпич здания и о мое спокойствие. Еще одну бесплатную работу не выдержу ни я, ни моя кредитная история.

— Что-то не так?

— Просто навалилось все разом. Сначала расписание

неудобное, что на часть пар буду опаздывать. Теперь еще английский. Вот скажи, зачем учителю русского и литературы английский?

— А зачем переводчикам менеджмент?

— Вот ради таких диалогов, видимо, нам и преподавали философию. — Мира усмехается и делает еще одну затяжку. — Ладно, спасибо тебе за помощь, ты меня правда спасешь. По поводу цены договоримся, все равно буду совмещать смены в двух кофейнях. Единственное, я пока ищу соседку на подселение, есть свободная комната. Никто не хочет из девочек? Я владелица, так что прошу даже некоторые вечеринки.

Теперь время на осознание нужно мне. В голове запускается обратный отсчет. Надо быстро принять решение. Деньги или жилье. Очередная авантюра или попытка спасти себя от жизни под мостом. Взять сумму, отдать долг хозяйке прошлой квартиры, а дальше...

— Кажется, мы можем здорово помочь друг другу.

Мира

— Смена сегодня пролетела быстро.

— Шутишь? Я был уверен, что попал на девятый круг ада.

Я бы сказала седьмой — все-таки бег от гончих псов ближе к тому, как мы пытаемся угнаться за бешеным потоком заказов. Но лучше промолчу, чтобы не получить очередное звание душнилы. Грустно жить в мире, где порой приходит-

ся стыдиться своих знаний.

— Ладно, Мира, начнем наше соревнование?

Я киваю, предвкушая неминуемый проигрыш. Перерыв посреди дня уж точно дал фору моему коллеге. Быстрый взгляд на витрину заставляет грустно вздохнуть — именно сегодня не продали мой любимый сэндвич с индейкой.

— Восемьдесят три, восемьдесят четыре...

Паша стирает пот со лба и сдвигает козырек кепки в сторону. Кажется, он так не нервничает даже во время запары. Я следую его примеру и подвигаю к себе иголку с чеками. Правила наших голодных игр просты: у кого больше чеков, тот первый выбирает еду себе на вечер. Вторым всегда идет кас-сир, ну а дальше тот несчастный, кому достанется зачерст-вевший круассан с прошлого дня.

— Сто двадцать, сто двадцать один...

— Паша, ради бога, считай про себя. Сбиваешь.

— Просто сдавайся и не мучайся.

Остается только тяжело вздохнуть и мысленно послать его в такие глубины, которые не видел ни один студент меда. Передо мной начинают мелькать заказы: холодный капучино, малиновый раф, сырный латте... Господи, кто только придумал мешать кофе с сыром? Большую часть заказов я даже не помню, словно мозг предпочел стричь все под одну гребенку. А-ля смирись, ты просто сварила сегодня несколько цистерн кофе.

— Девяносто семь! — раздается победоносный выкрик

из-за кофемашины.

Я цыкаю и продолжаю автоматически вести подсчет. Если и проигрывать, то надо знать с каким разрывом. На последней бумажке я замираю, а уголки губ сами поднимаются.

— Сто четыре.

— Гонишь!

Паша отталкивает меня в сторону и пересчитывает мои щеки, а я с гордым видом вышагиваю к витрине.

— Опять ты его сделала? — с ухмылкой спрашивает Дима, закрывая кассу, и складывает в бумажный пакет мой вкусный трофей. — Выбирай еще две позиции, чтобы все было поровну.

— Положи один маффин, мне этого хватит. А то кое-кто умрет от зависти, и мне придется отчислиться ради работы.

— Не скромничай, ты реально молодец. Вообще не представляю, как ты смогла сегодня управиться. Кстати, как чувствуешь после сегодняшнего? Я боялся, что ты грохнешься в обморок, когда пришла та девчонка.

Мне хочется сказать что-то умное, смешное или хотя бы разумное, но остается только пожать плечами. Вроде чувствую себя нормально, держусь на ногах, и даже нет желания сдать единым целым с кроватью. Вот только я сама не могу объяснить, что сегодня произошло.

— Ладно, все дело в жаре. Наш кондер слабоват для такого потока людей. Я сообщу владельцу, чтобы позвал мастера.

Слабое оправдание, но лучше так, чем строить версии или

гуглить симптомы, чтобы найти у себя редкие болезни. Надо бы немного отдохнуть. Отлежаться день-другой с книжкой, а не пахать в кофейне. Но нет, мой учебный план подкинул мне достаточно сложностей.

И кто только добавил английский в программу?

Поход домой — редкий момент, который заставляет меня задуматься об увольнении. Да, мой район кишит студентами, которые шугаются всего так же, как и я. Если они трезвы, конечно. Но это не добавляет покоя, когда я сворачиваю в подворотни в двенадцатом часу. Приходится натянуть рубашку, чтобы привлекать меньше внимания. Пусть кто-то сочтет меня параноиком, но так комфортнее. Это мой маленький уютный фланелевый мир в клеточку. Даже если на улице плюс двадцать, а идти не больше получаса. Как можно меньше приключений, пожалуйста.

Вдалеке уже виднеется мой подъезд. Лампочка, вся в мотыльках, слабо освещает потрескавшиеся ступени. Сегодня у входа никого нет. Ни мужчин, выстраивающих вокруг себя фигуру от демонов из шелухи семечек, ни подростков, которые так хотят походить на своих алкогольных предшественников. Моя походка сразу становится легче и быстрее.

В подъезде тоже оказывается пусто. Только я, запах жареной картошки и мое учащенное дыхание. Спасибо, квартира на пятом этаже и отсутствующий лифт. Ключи на дне шоппера все никак не хотят подворачиваться под руку, когда я замечаю, что дверь приоткрыта. Чувство покоя обращает-

ся в горькую панику. Сердце начинает колотиться быстрее. Взгляд на потертые цифры на двери — все верно, квартира моя, я ничего не перепутала.

Нахожу ключи и сжимаю самый длинный из них в кулаке. Зайти аккуратно, будто я могу случайно обрушить весь дом. Тихо, чтобы не было скрипа, медленно. Воздух застывает тяжелым комом в горле.

Успокойся. Просто сделай это. Закрой глаза, сосредоточься, приди в себя и только потом заходи в квартиру.

Вдох через силу. Закрывать глаза. Выдох с той же болью. Теперь можно.

Ник

— Мира, привет! Я специально дверь не закрывала, знала, что ты придешь.

— Больше так не делай. Я подумала, что нас решили ограбить.

Отлично. Новые условия. Новый стресс. Вокруг пара десятков коробок. Где она их только откопала? Что за эмблемы на них? Названия препаратов от температуры. Болеутоляющее. Ограбила аптеку?

— Sorry. Не хотела тебя пугать.

— Не испугала. Но твое отношение к общей безопасности настораживает.

Надо преодолеть этот лабиринт картона и пробраться в комнату. Прошлая соседка мне нравилась больше. У той был

чемодан, большая кастрюля и инстинкты самосохранения.

Что тут у нас? Джинсы придется застирать и оставить на батарее. Не хватало еще отправиться утром в мокрой ткани. За дверью опять раздается хлопок.

— Что происходит?

Черт, я совсем не помню ее имя. Ладно, это потом. Все равно буду в курсе.

— Извини, еще пять коробок, и я прекращаю шуметь. Чай будешь? Минут через десять.

— Пойдем!

Не пойдем, а пойдете. Провести осмотр и обратно. Так, ощущения голода нет. Ноги гудят от усталости, но не сильно. А теперь, пожалуйста, не сиди всю ночь с этой... Как же неудобно без имени. В общем, с нашим новым источником проблем. Значит, есть еще десять минут?

Быстро переодеться в домашнюю пижаму. Проскочить в ванную, застирать все и оставить сушиться. Как будто я что-то забыл.

— Фух, готово. Ну что, на кухню?

Слишком много энергии в двенадцатом часу ночи. Я все больше скучаю по прошлой соседке. Она хотя бы работала в ночную смену. Так, забудь. Тут все в порядке, пора уходить. Не люблю я светские беседы.

— Мира, так что, ты со мной?

Дай пару секунд, и тогда пойдем. И тогда тебе ответит именно Мира, а не я.

6 сентября, 2023

Женя

— Причина бросить Андрея номер двенадцать. Причина бросить Андрея номер тринадцать...

Надо выпустить такое приложение с медитациями: включайте каждый раз, когда ваш парень не может помочь перетаскивать тяжести. Хорошо, что удалось выпросить коробки в аптеке, а не в продуктовом — они хотя бы маленькие. Но плохо, что пришлось подниматься несколько раз в квартиру. Зато можно смело говорить, что заслуженно прогуливаю физру.

Пока спина разрывается от боли, телефон разрывается от сообщений. Сперва несколько десятков в чате с одноклассниками. Мемы, обсуждение домашки... Людям заняться нечем после полуночи. Главное не упустить момент, когда хлынет информация о новых преподавателях. Держи друзей близко, а людей, кто способен тебя отчислить, еще ближе.

— Чай, много чая! И пару бутербродов с...

С тем, что я забыла забрать из холодильника. Надеюсь, бывшая хозяйка примет это в знак моей безмерной благодарности. Ну или как компенсацию морального вреда. Что ж, самое время первого испытания для моей новой соседки: проверка на жадность.

Все съедобное добро, что я забрала, отправляется на кух-

ню, откуда я зову Миру. Надо произвести хорошее впечатление. А-ля, смотри, я принесла 5 пакетиков вкусного чая с клубникой, могу взамен украсть у тебя колбасу, сыр и огурчик?

— У меня небольшая добыча со смены. Ешь индейку и шоколадные маффины?

Она демонстрирует бумажный пакет и, не дожидаясь моего ответа, начинает накрывать на стол, добавляя продукты из холодильника. Хлеб, тарелка с нарезкой ветчины и помидорами черри, сырные крекеры... А ты мне нравишься все больше и больше!

— Если только не вместе. Извини, я ничего не успела купить. Зато у меня есть самое главное.

Сохранять улыбку и пытаться казаться серьезной. В руках блестит бутылочка с сиропом для кофе со вкусом апельсина. Хах, мои жалкие попытки жить в иллюзии достатка!

— О да, самое важное, — Мира зевает и приглашает меня присесть. — Не волнуйся, сегодня угощу, только спрячь эту оранжевую жижу. Прости, травма всех бариста — нелюбовь к цитрусам в кофе. От некачественных сиропов слишком часто сворачивается молоко.

Отлично, еще и мою прелесть точно никто не возьмет. Неужели жить вдвоем не так уж плохо?

— Хорошо, какие правила нашего совместного проживания? Какие-то ограничения? Пожелания?

— Постараться не шуметь по ночам, не больше. Я все рав-

но пропадают на сменах днем. Уборка кухни и коридора раз в неделю по очереди. Каждый моет за собой посуду. Вся коммуналка пополам. А оплату за жилье с тебя не беру.

Я киваю, собирая воедино половину сэндвича. Так, мой хороший, у меня могут разваливаться планы, а ты держись. Ты бесплатный, а значит очень вкусный. Условия Миры звучат отлично. Не особо выгодно, но я буду целый год жить спокойно в своей комнатке с соседкой, которая приходит только переночевать. Плати она мне, было бы немного больше денег, зато все мысли можно посвятить работе. Наверное.

— Супер. У меня еще парень есть. Он иногда будет заходить, не против?

— Без проблем, — пожимает плечами Мира, отправляет в рот кусочек маффина и быстро запивает его чаем. Зевает второй раз, потом третий. Так вот, как выглядят жертвы «нормальной» работы. Не завидую. — Лишь бы все остальные правила соблюдались.

— Черт, а так хотелось поджечь кухню... — Подсохшее тесто с холодной индейкой падает на дно желудка, и тот отдает тихим урчанием. Мира, словно опытная дрессировщица, понимает этот тихий рык и кивает на остатки нашей роскоши. — Можешь доесть. Не против, если я пойду? У меня завтра первая пара в 8, а с моим постоянным недосыпом каждая секунда на счету.

— Ты ходишь на такие ранние пары? — Еще и синдром отличницы, да? На таких как ты, Мира, в СССР молились.

Стоп, а тогда вообще молились?

— А ты нет?

— Скажем так, я на парах бываю исключительно по праздникам. Например, новогодним. Точнее период после них, он же сессия. Как ты вообще тогда успеваешь со своей работой?

— Сама не понимаю. Но каким-то чудом удается выстроить график в двух кофейнях. Хорошо, одна франшиза и кофейни недалеко друг от друга. В одной полставки, в другой так, на подхвате. У меня бывает несколько свободных часов в неделю, тогда и делаю всю домашнюю работу.

— Кроме английского?

— Кроме английского. Вообще не могу с ним подружиться. Смотрю на буквы, а те расплываются и превращаются в неясное пятно.

Вот у меня тот же механизм, только когда я сажусь за свою домашнюю работу. Какой смысл делать то, за что не платят? Еще и отхватишь, если сделаешь не идеально. Бред.

— Ладно, тогда кидай мне сразу, как что-то зададут. Кстати, я еще тот полуночник. Не против, если буду сидеть на кухне? Ничего громче включения чайника, обещаю.

— Ради Бога. — Четвертый зевок. Уже заразный, заставляющий меня поддержать этот сонный флэшмоб.

Я наконец остаюсь наедине с собой и ноутбуком. Вдалеке по дороге проезжают машины, изредка свет фар играет переливами на кухонном потолке. Глянцевом, со всеми горящими лампочками. И кухня тоже глянцевая, в темных тонах,

чистенькая, хоть сейчас фотографируй для социальных сетей. Это явно не аренда квартиры у бабушек, которые просят раз в месяц протирать их сервиз из Чехословакии.

Мира еще несколько минут шуршит за дверью на кухню, пока единственным источником шума не остается моя клавиатура. На экране мелькает пустая таблица с моими ежегодными двумя вкладками: «деньги» и «проблемы». В первой есть первые заказы — это постоянники с нашего факультета. Через недельку-две они выберут тему курсовой, и я приступлю к работе. Ребята, пожалуйста, будьте умными, не берите темы а-ля «Особенности перевода текстов, которые никто никогда не переводил, потому их нет в интернете».

А вот во вкладке «проблема» с десятков дел — это все, что связано с моей домашкой. Начать ее делать сейчас, а не в декабре, как обычно?

Преисполненная боевого духа и халявных крекеров, я открываю первый файл с темами для экзаменов и сразу перехожу к практической части. Звучит несложно, только муторно. Мозг просыпается от летнего застоя и постепенно набирает темп. Вот и сложные конструкции звучат куда естественнее, и все реже приходится обращаться к переводчику. Покой и сосредоточенность. Плавный бег черных буковок на экране даже вводит в некое медитативное состояние, которое внезапно прерывает звонок телефона.

— Привет! Прости, я только увидел сообщения от тебя.

— Час ночи, серьезно? Где ты вообще пропадал?

Андрей наверняка сейчас виновато смотрит в потолок и думает, что бы соврать.

— Плойка?

— Она самая. — Ура, балл за честность заработал. Эх, а можно подать в суд на компьютерный клуб возле университета за ухудшение качества отношений?

— Ну прости, решил... Отдохнуть с друзьями. Не заметил, как телефон... Разрядился.

Слишком длинные паузы. Понятно, еще и выпили. У меня только два вопроса. Во-первых, почему нельзя было предупредить об этом? Во-вторых, почему мне тоже нельзя так отдохнуть? Оторвавшись от ноутбука, я замечаю полоску света под дверью на кухню и выхожу в коридор, чтобы щелкнуть переключателем. Коммуналка пополам, так что экономим.

— Жень, ты здесь? Только не... Говори, что обиделась, — раздается из трубки.

— Здесь я. Но знай, что сегодня ты официально доказал, что женщины могут справляться с тяжестями не хуже мужчин. Минус один в копилку пользы от тебя.

— Я могу сразу восполнить этот балл.

— И как же? — Пожалуйста, только без пошлых шуток.

— Я достал два билета на день первокурсника. Друг с профкома подогнал. Проход в клуб и пара коктейлей бесплатно.

Ну вот, можешь обрадовать, когда надо! Даже настроение поругать его исчезает.

— Are you kidding?⁴ Слушай, круто! Будем самими старыми первокурсниками вечера.

— И самыми умеющими пить.

Мой смех слишком громко звучит в тихой квартире, и я прячусь обратно на кухне.

— Ладно, ты молодец, но мне пора. Давай завтра напишу. Люблю!

— И я тебя!

Телефон ложится обратно на стол, а я ощущаю прилив радости и стыда одновременно. Старалась ведь быть потише... Тут уж точно не до домашки. Компьютер отправляется в сон, и я хочу последовать его примеру, как на миг меня охватывает холод.

— Черт! Не пугай так... — Стоило бы сперва извиниться за шум, но Мира сама виновата. Нельзя ведь внезапно появляться у двери посреди ночи!

Вялый силуэт неуверенно проходит веред, пряча руки в карманах клетчатых пижамных штанов. Сонные глаза пристально смотрят на меня, пока Мира, все так же с руками в карманах, медленно проходит по кухне, отводит взгляд только на секунду, словно в поисках чего-то.

— Извини меня, не хотела шуметь, но так вышло. Обещаю исправиться. Это в знак извинения!

Я глупо улыбаюсь и протягиваю остатки крекеров. Почему бы не попытаться задобрить человека его же дарами. За-

⁴ Ты шутишь? (англ.)

мечая, как уголок ее губ дергается и в глазах появляется вспышка радости. Она даже достает руку из кармана, в которой я успеваю заметить маленькую блестящую цепочку, но тут же прячет ее обратно.

— Бери, если хочешь.

Ее взгляд виновато опускается вниз. Губы смыкаются, словно Мира не может выдать из себя слова. Она соглашается на одну печенюку и одним рывком прячет ее у себя в кармане. У меня по спине пробегает холодок.

— Мира?

Не отвечает. Скрывает подбородок под воротом белой футболки, сжавшись, будто от холода. Но какой холод, когда на улице даже ночью стоит духота? Еще один быстрый жест, и крекер оказывается во рту. Тишина комнаты сменяется тихим хрустом. Хотя бы какой-то звук от этой молчаливой фигуры. Мира кивает и осторожно, с опущенной головой, закрывает дверь на кухню. В просвете под дверью снова появляется полоска света.

Мира

Шестое сентября, а значит, это уже третий раз в этом месяце, когда я обещаю сменить раздражающий рингтон будильника. Приятно, конечно, что я еще ни разу не проспала, но на этом все приятности заканчиваются.

С трудом поднимаюсь с кровати, пока все мои силы остаются где-то там, в глубине дряхлого матраса. Бросаю быст-

рый взгляд в сторону стола, на котором в очередной раз свалилось зеркало. Возвращаю его в прежнее положение и начинаю думать, что дело не в хлипкой конструкции ножек. Я бы тоже испугалась того существа, что сейчас смотрит на меня.

Когда я доползаю до кухни с телефоном в руках, наушники подают сигнал о подключении, а Женя смотрит на меня глазами-щелочками. На голове русое пушистое гнездо, на столе ноутбук, в котором она тут же закрывает десяток вкладок.

— Bonjour, mon⁵блуждающий в ночи ami⁶.

— Доброе утро, первая страница из романа «Война и мир». Только не говори, что ты не ложились спать. И почему «блуждающий в ночи»? — Я потираю щеки, пытаюсь прогнать усталость.

Теперь еще утром придется с ней общаться. Отлично.

— Начнем издалека. Как себя чувствуешь?

— Спасибо, как всегда... Помято. Мне редко удастся выспаться. А откуда такая загадочность? Если ты что-то съела из моих запасов, так и скажи, я пойму.

Молчит, и это странно. Слишком много задач для еще спящего мозга.

— Мира, давно ты лунатишь?

Рука останавливается в сантиметре от чайника. Мой недо-

⁵ мой (фр.)

⁶ друг фр.)

сып эволюционировал до слуховых галлюцинаций? Приходится вернуть наушники в чехол.

— Что, прости? — Ее вопрос все еще не складывается у меня в голове в логичную цепочку событий. Ноги подкашиваются от внезапного прилива слабости, и я присаживаюсь на табуретку рядом с окном. К шуму чайника добавляется тихий звон.

— Вот! Проверь свой карман! Что там?

Там пусто, я знаю. Или нет. Рука нащупывает сразу два трофея — разломанный на три части крекер и Каштанку, маленький брелок-игрушку в виде собачки. Возникшие вопросы срабатывают лучше контрастного душа.

— Ты ведь лежала в рюкзаке. — Диалог с Каштанкой не уходит дальше моей реплики.

— Уверена?

— Уверена. Я всегда ношу ее там на удачу. Как талисман. В свое время удалось пронести на ЕГЭ. Разве что тогда она была без цепочки, я ее потом добавила...

— Хм, надо было тоже игрушку взять, а не шпаргалки. Но не суть. Мир, ты по ночам ходишь. Поэтому и чувствуешь усталость по утрам.

Только этого не хватало.

— Ты это видела?

Женя кивает и поджимает губы. Явно боится меня расстроить. По крайней мере, говорит честно. Похоже, я теперь понимаю, с чем бороться.

Или с кем.

Вроде бы я когда-то читала, что лунатизм может возникнуть из-за стресса. А вечный недосып у меня с момент переезда в Краснодар. Когда я начала работать и учиться, поэтому заметить никто и не мог. Звучит логично, только что с этим делать дальше?

Смириться? Раньше ведь все было в порядке.

Может быть. Главное теперь не пугать Женю и получше изучить этот вопрос.

— А если снотворное попробовать?

Нет, я против.

— Боюсь переборщить с дозировкой, а потом пропустить смену. Штрафы мне не нужны.

— В чем проблема? Я разбужу, для меня не спать до утра не проблема. На первый раз выберешь самые слабые таблетки, с какой-нибудь ромашкой. Что мешает попробовать?

Я все еще против. Вдруг она проспит? И потом выкручивайся на работе.

— Пожалуй, так и сделаю.

Или нет. Надо время подумать, побыть наедине с собой и принять свою новую реальность. Женя уходит спать, а горькая тревога остается. Я пытаюсь действовать как обычно, так, как и планировала. Проснуться, запихнуть в себя завтрак под аудиокнигу из программы и дальше выдвигаться на пары.

Диктор в наушниках оповещает о переключении главы, и

я пытаюсь выкарабкаться из вороха мыслей. Вот тебе и попытка справиться с Гюисмансом, придется слушать заново.

Я лунатик. Этот факт вертится и передвигает меня как фишку на игровом поле. Завтрак съеден, одежда на мне, и вот кеды перемещаются по привычному маршруту. Позади еще три прослушанных, но не услышанных главы Гюисманса. Вот бы сегодня на семинаре не уйти дальше вступления.

Сверкающий зеленым плюсик словно отрезвляет. Реальность становится четче, мысли перестают разбегаться в стороны. Порог круглосуточной аптеки. Может, Женя и была права. Стоит попробовать, тем более сегодня у меня есть возможность лечь раньше. Новый шаг в новую жизнь.

Но шаг сделать не удастся. Как будто внутренние сомнения усиливаются, а логике не удастся их победить.

Не стоит этого делать. Можно справиться и так, как и было раньше.

Или попробовать, но в другой раз. Позже. Когда буду точно уверена.

Ник

— Ты должен был проконтролировать его выход. Ты отвечаешь за эмоции.

Очень хочется его ударить. Но нельзя.

— Я отвечаю за эмоции, а не за личные страхи каждого. Ты и сам прекрасно знаешь.

Он слишком спокоен. Отвратительно.

— Знаю. Но надо было проследить.

— Это мне говоришь ты?

От акцента на последнем слове у меня только чешутся руки. Сколько же у нас теперь проблем.

— Слушай. Надо что-то решать. Будешь теперь ночевать с ним, чтобы его случайно не выкинуло. Опять.

— Его выкинет, только если в коридоре выключат свет. А уж эту мысль ты сможешь донести до Жени.

Жени? Серьезно?

— Ты и имя запомнил?

Это рыжее недоразумение пожимает плечами.

— Слушай, я тоже не в восторге от нового расклада игры, но нам надо принять эти правила, если мы хотим жить с ней дальше.

— Мы не хотим жить с ней дальше.

Он вздыхает, поднимая взгляд к потолку.

— Давай будем максимально честны: этого не хочешь только ты. Но это нужно Мире. И всем нам, чтобы остаться в ВУЗе, если уж на то пошло. Пора научиться следовать правилам, а не все время создавать свои.

Самое отвратительное во всей этой системе, что он прав. Мы застряли в бесконечной игре. И теперь в этой игре появилась еще одна фишка по имени Женя. Похоже, даже лидирующая фишка.

16 сентября, 2023

Женя

— Как тебе живется с твоей новой соседкой?

— Ты хочешь получить выговор за то, что мне пришлось самой перетаскивать коробки в такси и обратно?

Две ямочки, в глазах блеск то ли любви, то ли надежды не нарваться на конфликт. То самое выражение лица, за которое его даже не хочется ругать. Он будто специально подстраивает наши встречи так, чтобы атмосфера склоняла к романтике, а не к убийству за очередной косяк. Хитро, даже у меня так не всегда выходит.

— Еще один кусочек пиццы? Чтобы окончательно загладить вину?

Пожалуй, нет, мой желудок не выдержит еще один пропуск. Тем более, пусть пиццерия и полна народу, но мы спрятались в таком укромном уголке, огороженным бортиками дивана, что я спокойно в любой момент могу швырнуть в него салфеткой.

— Давай лучше без провинностей в дальнейшем.

— I did my best!⁷

— I'll do my best.⁸А говорят, айтишники знают англий-

⁷ Я сделал все возможное! (англ.)

⁸ Я сделаю все возможное. (англ.)

ский.

Он касается моей щеки губами, и я уже предвижу дальнейшие действия: обнимет за талию и прижмет, чтобы голова ложилась ему на грудь. Своеобразные уютный домик от всех тревог и забот с запахом мускатного одеколona. Разве что домик за это время становится слишком тесным, отчего часто хочется вернуться в свою комнату. Минусы отношений со школы: они перерастают в привычку, в которой не место ярким сюрпризам. Как там говорили классики? Любовная лодка разбилась о быт? Хорошо, что мы пока в батискафе. Ужас, размышления, словно мы лет сорок в браке!

— Ладно, а если серьезно. Как тебе живется с новой девочкой? Она нормальная?

— Нормальная, и общаемся хорошо. Только в первую ночь была одна странность.

— Она устроила вечеринку, куда надо было прийти без одежды? И ты не позвала меня?

Почему говорит он, а стыдно мне?

— Нет, она лунатила. Зашла ко мне спящая на кухню. Ну и так же ушла.

— Прикольные у вас развлечения. А что-то странное было? Не знаю... Она пыталась съесть тарелку? Или говорила на несуществующем языке?

Очень смешно. Слишком много радости для обсуждения заболевания. Кстати, а корректно ли называть лунатизм заболеванием? Надо проверить.

— Просто зашла на кухню, посмотрела на меня и ушла. Андрей вздрагивает.

— Звучит крипово. Я видел лунатизм в разных фильмах. Там обычно у людей глаза либо закрыты, либо взгляд в никуда. Страшноватое зрелище.

Мне хочется пихнуть Андрея в бок, но останавливаюсь, ведь он прав. Я тоже замечала такую черту у людей на видео про лунатизм. А у Миры взгляд был осознанный, как будто она прекрасно ориентировалась в пространстве и понимала происходящее. Так бывает?

— В любом случае, больше этого не повторялось. Она вроде пьет таблетки, чтобы спать крепче. Так что теперь у меня ночи спокойные.

— Я могу это исправить.

— Седьмая мерзкая шутка за сегодняшний вечер. Неа, никаких шансов. Такими темпами ты сможешь смело принять целибат.

— Опять твои англо-французские термины?

— Скорее твои перспективы. Давай о хорошем. Как будем добираться до клуба и обратно?

— А вот тут есть одна загвоздка...

Его рука тянется к волосам и зачесывает светлые локоны назад. Ну все, понятно, верный признак внезапного кататизма.

— Дай угадаю. Очередная сверхурочная смена. Конечно, именно тогда, когда мы планировали отдохнуть.

— Прости, но я не виноват, что в школе полетела база именно этой ночью. А права отказаться у меня нет. Я его истратил, когда решил отдохнуть с друзьями.

— Вот тебе и карма. Почему вы просто не можете наладить этой онлайн-школе нормальный сайт, чтобы он не вылетал каждую неделю?

— А почему ты просто не можешь устроиться куда-то вроде онлайн-школы и не мучаться с заказами?

Я морщусь и скатываюсь вниз по кожаному диванчику. Предательство, которого ожидаешь меньше всего. Знает, где ударить побольнее. Работать на кого-то? Отчитываться перед начальством об ошибках? Еще и приходиться согласно составленному кем-то графику? Ну уж нет, рабство сейчас не в почете.

— О чем думаешь?

— О том, с кем мне тогда провести вечер и насколько большую пиццу ты закажешь за свой проступок. Пока склоняюсь к самому большому размеру.

— С ветчиной и грибами, я понял. — Хоть какая-то выгода от происходящего. — А билет можешь спокойно Мире отдать. Она ведь совершеннолетняя, проблем на входе не будет.

Мира и клуб. Мира, которая круглосуточно ходит по квартире с книжками и слушает за ужином литературные разборы. Ничего не имею против прилежной учебы, если она не касается меня, но представить ее среди сотни взбудора-

женных свободой первокурсников — задачка со звездочкой.
— Тогда нужно две пиццы. Она предпочитает «Маргариту».

Мира

— Дело на миллион: хочешь отдохнуть и еще получить бесплатный ужин, плавно перетекающий в завтрак?

От крика Жени мне приходится отстранить телефон подальше от уха. Живот сводит от упоминания еды. Видимо, я слишком долго сидела с книгой. При всем уважении к Вам, Федор Михайлович.

— Разве ты с Андреем не должна была поехать в клуб?

— Должна, но у них полетела база, так что он теперь как ты: работает даже в заслуженные выходные. Мира, составишь компанию? Отдохнем. Мы все равно для первашей старые, проблем не возникнет.

Весомые аргументы. Уверена, что как минимум половина из них признает во мне знакомую бариста. Спасибо, кофейня, которая решила устроить скидки первого сентября всем студентам. До сих пор руки гудят, как вспоминаю тот судный день.

Я осматриваю свою уютную обитель. Опустошенная тарелка из-под печенья. Кажется, которая стоит тут уже дня три. Пляшущее пламя свечи на комод, о которую удобно поджигать сигареты. Моя вредная шалость, от которой я точно когда-нибудь избавлюсь. Осуждающий взгляд бороdato-

го гения с обложки книги, которого мне запрещено критиковать, если я хочу получить зачет. Так не хочется покидать собственноручно созданный Эдем.

— Мира, соглашайся. У нас даже водитель появился. Заодно познакомьтесь. Он в целом адекватный, разве что не умеет девушке уделять внимание.

На той стороне слышится короткий мужской смех, от которого меня почему-то передергивает. Наверное, не было сегодня настроения выдвигаться куда-либо. С другой стороны, проветриться не помешает. Когда еще будет шанс выбрать-ся? Надо использовать, пока нас не успели завалить домашней работой.

— Ладно, звучит неплохо, но чур уйдем не слишком поздно. У меня завтра вечерняя смена, а я еще хотела поспать.

Снова крик, снова беспредельная радость на том конце телефона, заставляющая меня только засмеяться. Как же легко ее обрадовать. Явно не будет сложностей с подарками на Новый год.

Женя тараторит в трубку, что они подъедут минут через сорок, и я выдвигаюсь к шкафу. Так, память, что там носят актеры лет тридцати, когда играют подростков в клубе?

Зачем все это? Можно отлично провести время дома.

Я мотаю головой, выкидывая непрошенные мысли в сторону. Майка, джинсы и кеды. Вполне сойдет для сегодняшней жары. Может, вообще пойти в шортах?

Нет, лучше джинсы. И рубашку накинуть.

Когда я вообще была последний раз в клубе? Даже с трудом осознаю свой собственный день первокурсника. Вроде бы, я тогда сразу решила найти подработку и договорилась о четырех собеседованиях. Не помню, как прошла их, такая сильная была усталость. Сперва день в электричке, потом попытки привести в порядок квартиру, где раньше жил этот любитель хаоса...

Нет. О нем не думать.

Мне удастся вынырнуть из вороха воспоминаний, когда на веках остаются ровные стрелки. Может, у меня и есть проблемы с концентрацией, но зато я умею делать множество дел на автомате. Кто-то с потока говорил, что это верный признак выгорания.

И все-таки для рубашки слишком жарко. Хочется ее стянуть, повязать на поясе, но рука останавливается на полпути.

Кстати, а что там про лунатизм?

Снова навязчивые вопросы, снова моя новая нерешенная проблема. Хотя я и говорила Жене, что пью таблетки, но так и не рискнула их купить. С одной стороны, с тех пор Женя не жаловалась на мои похождения по кухне. С другой, я все еще не ощущаю бодрости даже после десяти часов сна. Все прошло? Или Женя просто не хочет меня огорчать?

Во дворе успокаивающий шум мегаполиса прерывается только криками с третьего этажа. Что-то из шансона и того периода, который принято романтизировать всем, кто его не застал. Хорошо, что восхваление девяностых происходит в

чей-то квартире, а не во дворе.

Еще не поздно вернуться. Нам надо за выходные Достоевского добыть.

Успею, тем более его несложно найти в аудио. Телефон озаряет мрак яркой вспышкой. Последний запрос в интернете повторяет предыдущие десять — все про лунатизм. Его особенности, проявления, причины возникновения и, что куда важнее, способы излечения.

*Это не лунатизм. Жене причудилось. Или она вовсе со-
врала. Все нормально.*

Гудок за спиной. Телефон едва не выпадает из рук, и я начинаю отчетливо ощущать свое сердцебиение. Удар, темнота, словно кто-то решает погасить уличное освещение. Еще удар. Я наклоняюсь вперед и хватаюсь рукой за лавочку. Вроде бы.

Нет, не падать. Запрещаю.

Постепенно мир перед глазами обретает свои прежние контуры. Ком внутри снова рассасывается по всему телу, но в голове остается прежняя тяжесть. Я оборачиваюсь и замечаю тонкую руку, подзывающую к машине.

Женя, что б тебя...

— Андрей, Мирослава, знакомьтесь.

На заднем сиденье оказывается темно, и я случайно толкаю кедами пустую бутылку из-под энергетика. Выходит, все эти подростковые фильмы не такие уж стереотипные?

— Просто Мира. Исходя из всех ворчаний Жени, мы с

тобой давно знакомы.

— Правда? — Я стараюсь аккуратно рассмотреть его в зеркале заднего вида. Кажется, ненамного выше меня. Светлые волосы, зализанные назад. Довольно худой, улыбчивый. Он даже напоминает чем-то Женю. Пожалуй, синяками под глазами.

Наверное, невежливо таращиться на незнакомца. Так, прекращай, нужно быстро придумать тему для разговора, но почему-то не получается. Тело будто парализует, и мне удастся разве что продолжать запоминать черты своего нового знакомого. Поло и джинсы, ничего особенного. Ни колец, ни очков, ни бижутерии. Руки чистые, без татуировок. На локте длинная белая полоска шрама. Когда-то ему явно было больно...

Надо запомнить, на всякий случай. Неплохая примета.

— Ты меня слышишь?

Вопрос Жени словно окатывает меня холодной водой. Шея снова приобретает возможность двигаться. Зрачки перестают залипать в одну точку. Странное ощущение, будто я на миг стала поломанной шарнирной куклой.

— Прости, задумалась. О чем речь?

— Говорю, что в клубе чур держимся друг друга.

— Именно, без знакомств и прочего. Только по паре коктейлей, — назидательно добавляет Андрей, и Женя недовольно скрещивает руки на груди.

— Больше и не собиралась. — Если настрой посидеть в

клубе я еще могу откопать в глубинах своего сознания, то вот головная боль утром мне точно не нужна. Ее мне и так хватает.

— Меня окружают одни зануды.

В голове всплывает вопрос, который меня давно интересовал. Я подвигаюсь ближе к ребятам и подмечаю еще одну особенность — химический фруктовый запах. Как от электронных сигарет.

Еще одна примета.

— Кстати, вы ведь давно вместе? Не думали рано или поздно съехаться, все равно квартиры снимаете.

— Спроси у Жени, я не против. — Андрей кривится. Похоже, я задела болезную тему.

— Жить в двушке, которую раз в неделю проверяют твои родители? Спасибо, я пас.

— Квартира и правда родительская, они приезжают в город среди недели по работе, — поясняет Андрей, не отрывая взгляда от дороги. — Просто Женя их побаивается. Не хочет знакомиться. А зря, они у меня добрые.

Кстати, он пристегнут. Возможно, мозги у этого парня есть.

Женя только отмахивается. Не стоило начинать этот разговор. А то вдруг она и правда решит переехать, а мне потом новую соседку искать.

— У меня тоже раньше родители приезжали. Проверяли квартиру и некоторые вещи брата забирали.

Не начинай эту тему.

— Брата?

— Ага, квартира общая, нам двоим от бабушки досталась.

Так что сперва он здесь жил во время учебы, а потом я.

— Удобно. Свое жилье, по факту. Мира, и как у тебя еще парня нет? Завидная невеста, между прочим.

Я улыбаюсь, но по спине пробегает ощутимый холодок. От того, что Андрей открыл окно?

— Ну а брат не хочет переехать в Краснодар?

Заткнись. Заткнись. Не твое вообще дело.

Он резко выворачивает руль. Вспышка фар. Мимо проносятся черная лада и исчезает где-то в потоке машин и ругани Андрея.

Шок парализуют и приклеивает к сиденью. В голове начинают крутиться мысли о брате, и где-то под ребрами снова зарождается тяжелый комок. Непонятный страх разрастается мелкой сеткой. Он пробирается в кончики пальцев, пробирается под кожу, обосновывается в сердце, заставляя съежиться. Я жмурюсь, пытаюсь включить логику. Почему я так реагирую? Откуда эти эмоции? Кто мне их внушил?

Ник

Держаться, не подпускать кого-то другого. Зачем нужно было говорить про эту гниду?

Так, если сейчас кто-то рядом, знайте, все под контролем. Я слежу за алкоголем и за нашей безопасностью.

Выйти из машины и запомнить номер. По ушам бьет музыка из местных баров. Вокруг темнота частных секторов. Центр Краснодара — идеальная мешанина цивилизации и маленьких подворотен. Самое то для нападений.

— Мира, если что, я деньги на такси Жене скинул, так что спокойно добирайтесь домой. Было приятно познакомиться.

— Ага, — он отъезжает, когда до меня доходит, что стоило ответить взаимностью. Ладно, пусть считает невежей. Заходить домой будет реже.

Я иду в клуб. Был готов ко всему, но не к этому. Самое главное — держаться подальше от алкоголя и курящих. И присматривать за этим недоразумением. А еще лучше — постараться побыстрее свалить.

Привыкаем на ближайшие пару часов. Не «понял», а «поняла». Не Ник, а Мира. Ни «иди к черту», а «Женя». В следующую секунду я оборачиваюсь и не вижу это мелкое пятно по близости. Нет, все же «иди к черту» ей подходит больше.

Нужна помощь в социализации?

Наблюдай молча. Если нужно, спрошу.

Ладно-ладно. Только ни с кем не подерись. И помни, что Мира, в отличие от тебя, не лезет лишний раз в конфликт.

Заладил. Надо возвращаться в реальность. Из очереди мне машет Женя. Кажется, придется идти к ней. Пара десятков студентов. Почти у всех минимум одежды. И столько же шансов избежать похмелье. Жалкое зрелище.

На входе на руку мне цепляют бумажный браслет. Я сдер-

живаю в себе сравнение про клеймо. Мира так бы не высказалась.

Кстати, а танцевать ты умеешь? Я бы на это посмотрел.

Заткнись, будь добр. Молчит. Я чувствую, что он рядом. Женя тянет вперед за рукав рубашки. Рефлекторно отдергиваю руку. Слишком резко, но она не замечает. Бежит вглубь темноты, гула и жуткой скрипуче-давящей музыки. Даже набора звуков.

В воздухе витают облачка дыма. Пожар? Сразу осматриваюсь по сторонам. На нескольких столиках раскуривают кальяны. Это место нравится мне все меньше и меньше.

— Пойдем, я нашла нам местечко.

Дожили, нами командуют. Опять. Аж зубы сводит. Но место неплохое. Огороженное ширмой от остальных компаний, но при этом с видом на танцпол. Столик маленький, при желании никто не подсядет.

— Идем за коктейлями? Чего такая напряженная?

Ты не готова выслушать все мои претензии. Похоже, моя натянутая улыбка срабатывает как ответ.

Эй, ты здесь? Тишина. Шум и темнота не его стихия. Звук скрежета и ударов из колонок призывают на танцпол все больше людей. Среди них становится еще больше парней. Несколько из них лучше запомнить, пока мы пробираемся к барной стойке.

— Я буду мохито. А ты?

Сложная задача. Надо что-то такое, где поменьше алкоголя. И то, что именно я уже пробовал.

— Давай джин-тоник.

Бармен неожиданно берет меня за руку и ставит на бумажном клейме черный крест. Свободная рука сразу же сжалась в кулак. Это не клуб, а сплошная провокация.

— Давай возьмем напитки и пойдем к столику. А потом танцевать.

— Ты не оценишь то, как я танцую, — усмехаюсь, но внутри все сжимается. Есть что-то, в чем я безнадежен, но тебе об этом знать не надо. Лучше сделать вид, что я ничего не услышал в этом шуме.

Мне протягивают стакан. Выглядит идеально — много льда, мало напитка. Пока мы возвращаемся обратно, часть алкогольной жижи выливается на пол. Случайно, конечно. Какой-то нелепый парень прыгает под музыку и врежется локтем мне в плечо. Что б ты поскользнулся на той луже.

Я разваливаюсь на диване. От рукава пахнет алкоголем. Триггерно, надо будет дома сразу застирать. В принципе, терпимо. Выдержу остаток вечера. Если бы не одно «но».

Женя что-то увлеченно выкрикивает мне через музыку. Не разобрать толком. Зеленоватая жидкость заканчивается в ее стакане слишком быстро. Платье слишком короткое для этого места. Она слишком быстро ускользает за добавкой. Слишком много привлекает внимания, когда пританцовывает на диване. Сегодня весь день можно обозначить как

«слишком». Только время течет не слишком быстро.

Кивать и поддакивать. Нелепо улыбаться и всячески отнекиваться от танцев. Пусть идем сама, на свой страх и риск.

— Прямо видно, что тебе не хочется тут быть, — выдает она более уверенно спустя несколько опустошенных стаканов. Интересно, мы остались без денег на такси? На нашей карточке для такой роскоши средств немного.

— Редко бываю в клубах. — Но явно больше, чем хотелось бы. Мы здесь около часа, но я уже успел подметить начало драки, сотню поцелуев и примерно десяток попыток познакомиться. Хорошо, что не с нами.

— Тебе нужно расслабиться. Давай я возьму еще один то-ник.

— Спасибо, мне хватит. — Самое время обхватить стакан двумя руками и притворно сделать глоток. Даже лед успел растаять за это время. — Кстати, у нас был договор. Почти полночь, самое время уходить.

— Тогда один танец и уходим. Не вечно же тебе в книжках сидеть.

Мне — возможно, а вот Море самое то. Я не успеваю среагировать, когда это слишком энергичное тело резко дергает меня за руку и тянет вперед. Еще миг, и я вокруг плотной толпы. Почему я не дал отпор? Этому телу противопоказана даже капля алкоголя.

Женя злорадствует, дергает руками и бедрами. Я думаю, как поскорее сбежать. Тут мне точно не место.

Я хочу протиснуться прочь, но меня хватают за плечо. Чьи-то крепкие шершавые пальцы. Похоже, пора кому-то вломить.

Слева от меня парень. Щетина, в глазах нездоровый блеск. Хорошо, если от коктейля. Мерзкий тип. На голову выше нашего тела. Драться в полную силу не выйдет, но коленкой промеж ног засадить смогу.

Еще один возникает позади Жени и закидывает руку на плечо. Доигрались.

— Девочки, познакомимся?

Пошел на хуй.

— Нет, спасибо, мы как раз собирались уходить.

Он не дает мне развернуться. Плечо зажато. Спина прижата к его груди. Мерзость.

— Куда? Скоро медленный танец. А у вас кавалеров нет.

Захват становится сильнее. Не до боли, но что-то не так. Они слишком навязчивы. Его ухмылка все противнее. Женя отшучивается, явно пытается вывернуться из этой ситуации мирно. Не мой подход.

Я со всей дури наступаю ему на ногу, и он отпускает меня, отшатываясь в сторону.

— Извини, — наверное, стоило сказать это без улыбки.

Взгляд на наш столик. Теперь все понятно. Вас не двое, а трое. Еще один силуэт маячит у остатков наших коктейлей. Худи, черные джинсы, бритая черепушка. Руки бродят над нашими стаканами, но в темноте не разобрать его действий.

Женя остается позади, и я проталкиваюсь сквозь толпу. Мне нужно понять, что там происходит.

Шаг вперед. Тонкие руки. На пальцах несколько блестящих колец.

Протолкнуться мимо приклеенных любовных парочек. В его руках маленьких белый сверток.

Послать кого-то в ответ. Увидеть, как содержимое свертка высыпает в наши стаканы.

Черт. Не сейчас.

Идти становится сложнее. Будто на автомате, но я толком не контролирую тело.

Не сейчас. Не сейчас...

Нужно бежать!

Тело движется по заданному маршруту, наплевав на людей вокруг. Мы врезаемся. Еще раз и еще. Все перед глазами тускнеет

Срочно к выходу!

Не могу, но надо. Я почти дошел до него. Почти сбросил стаканы на пол, но...

Последние силы покинули меня. Я больше не контролирую тело. Больше не вижу клуба перед собой.

Темнота резко сменяется светом. Кирпичная стена с деревянными книжными полками. Черный диван с чаем, который я не допил. Раскрытая книга на подлокотнике.

— Не сейчас! — от злости кулак врезается в стену, но я не ощущаю боли.

Мне нужно вернуться. Мне срочно нужно обратно.

17 сентября, 2023

Женя

Со сцены кто-то орет в микрофон, что наступил новый день. Самая подходящая картина — Мира исчезла, оставив меня с двумя крысятами. Но и они как будто засуетились? Боитесь превратиться в тыкву?

Нет, не так. Почему вообще сейчас я вспоминаю эту сказку? Логика кричит, что нужно позаботиться о безопасности, но так не хочется отпускать это спокойствие и легкость от алкоголя. А крысята сами отвалят, тем более сейчас они засуетились. Нашли новых девушек, которые их отошлют?

Меня хватают за запястье и тянут на себя. Волна холода пробегает по вспотевшей спине. Но мое лицо врезается в клетчатую рубашку. До боли знакомую, застегнутую по самое горло так, что воротник по-идиотски стоит колом.

Мира. Тащит вперед, сквозь толпу, получая вслед десятков-другой матов. Я даже не успеваю что-то ей сказать, только и остается, что плестись следом. Хватка слишком сильная, чтобы вырваться. Самое время для кардио, конечно.

Наполненный дымом воздух встречает отрезвляющей пощечиной. Глоток прохлады запускает спящие прежде механизмы, и до меня начинает доходить, в какую передрыгу мы могли влипнуть. Хотя реакция Миры тоже была слишком острой: от навязчивых парней всегда можно отделаться. Как

удобно, но не резким побегом.

— Мира, ты в порядке? — она отпускает мое запястье, оставляя на память браслет покрасневшей кожи. Откуда в тебе столько силы? Адреналин или перетаскивание книг из библиотеки?

— Вызывай такси.

Она сорвала голос? Он будто стал ниже, более хриплым. Не оборачивается, только смотрит по сторонам, то и дело вздрагивая, когда в нашу сторону кто-то идет. Похоже, она сильно перепугалась.

— Давай отойдем подальше от входа. — Она кивает и проходит мимо группы курящих девушек, которые спрятались в облаке пахучего дыма. Букет горечи, клубники и освежителя воздуха. Адская смесь забивается в легкие и выходит кашлем, от которого Мира снова вздрагивает. Нет, больше она в клуб не пойдет.

— Такси, — повторяет она и оглядывается по сторонам. Глаза круглые, широко раскрыты, как у потерянного щенка. Руки в карманах джинс. Наверное, пытается спрятать дрожь, но колени то и дело дрожат, словно на улице не привычно адская жара.

— Ладно-ладно, сейчас.

Ее взгляд не отрывается от экрана, и мне приходится прикрыть его ладонью. Опьянение сменяется тревогой. Эх, алкоголь, ты так здорово спасал меня от этой гадости. Легкость в ногах сопровождается болью в висках. Правило простое:

чем меньше цифра на балансе карты, тем сильнее эта дрянь бьет внутри. Сейчас баланс карты был двузначным.

— Слушай, а давай позвоним Андрею. Вдруг он сможет нас забрать, сэкономим...

Не слушает, сразу тянется к телефону в кармане. Пытается разблокировать, но дрожащие пальцы никак не попадают по сенсору. Экран загорается цифрами для ввода пароля, и сторбленная фигура лишается дрожи, едва не выронив телефон. Мира беспомощно замирает и смотрит на экран, будто перед ней пропасть, в которую необходимо шагнуть. Да что с тобой такое? Паническая атака?

— Мира, спокойно, давай помогу, — я аккуратно кладу свою ладонь поверх экрана, и Мира дергается, отпрыгивает в сторону. Ее рубашка вздымается, будто она танцевала ча-сами, а не пару минут. Так, какие там симптомы сердечно-го приступа? — Могу вызвать такси с твоего? Потом сразу верну.

Она часто моргает. Испуганно, прижимая телефон обеими руками к груди.

— Я... Я...

Просто дай телефон, чтобы вызвать такси. Желательно «комфорт». А там я найду способ привести тебя в чувства.

— Мира, давай. Надо выбираться отсюда.

— Мира?

Да что вообще происходит? Самое время вызывать экзор-циста. Но она замирает. В «Гарри Поттере» так работало за-

кливание «Остолбеней». Смотрит в никуда, руки по швам. Спина резко выпрямляется, а плечи расходятся в сторону, медленно, как будто их разминают после тяжелой тренировки.

По коже пробегает холодок. И что теперь? Что за странные метаморфозы? Я неосознанно делаю шаг назад. И угораздило же спустить деньги на коктейли. Хотя что бы я сейчас сделала? Бросила ее тут? Не по-товарищески. Да и мы живем вместе.

Ее глаза закрываются. Медленно, спокойно. Тело начинает пошатываться, словно его колышет ветер. Лишь бы не упала... Я ведь даже не успею ее поймать. Или не смогу? Почему мне сейчас так тяжело пошевелиться?

Я вновь встречаю ее взгляд. Совсем другой. Направленный на меня, осознанный, со сдвинутыми к переносице бровями. Сначала на меня, потом в телефон. Ее действия стали куда быстрее, не осталось и следа от прошлого страха. Мира, пожалуй, я верну тебе статус странной.

— Придется на еде экономить.

Бормочет. Ворчливо, едва слышно, стараясь не упускать меня из виду. Мне сразу становится холодно от этой обстановки. Еще немного, и меня испепелят, проклянут и наведут порчу, не меньше. Если не просто ударят.

— Такси будет через две минуты.

Не говорит, рапортует. Ставит перед фактом, из-за чего я сразу ощущаю себя каким-то ничтожеством. Хочется сжать-

ся и только мямлить слова извинения. И эта та Мира, которую я привыкла наблюдать круглосуточно в миролюбивом состоянии? Дурацкая тревога и ее каламбуры!

— Как ты себя чув...

— Не будем обсуждать это.

Коротко, ясно, полным презрения голосом. Интересно, она попросит отдать ключи от квартиры сразу в такси, или все же позволит мне переночевать в комнате?

Водитель пытается вежливо улыбаться, но даже он вжимается в кресло, когда Мира сурово смотрит на него. Прости, паренек, но у тебя сегодня очень мало шансов получить 5 звездочек. Он только уточняет адрес, и машина трогается с места. Шум клуба остается позади, отдаляется вместе с последними нотками уверенности с привкусом спиртного. Эх, прощай, чудесное чувство свободы.

А Мира не шевелится. Сидит себе, расправив плечи, на переднем сиденье, и смотрит вперед. Прямо навигатор. Проверяет, чтобы чуть что, мы не свернули с маршрута.

Достаю телефон и быстро набираю: «Прости, что втянула нас во все это, надо было уйти раньше. Мир, Мира?»)»

Телефон мелькает в ее руках, но она только смахивает сообщение. Тяжелый случай. В память врезается момент с вопросом. «Мира?». А кто еще? Не Мира? Кто тогда? Ерунда какая-то. Может, в придачу к бессоннице у нее панические атаки? Вот до чего доводит работа.

Попытки заговорить или писать — без шансов. Похоже,

для Миры меня больше не существует. Но ведь у нас деловые отношения, и личные перепалки не должны на них влиять.

Опьянение покинуло разум, но не тело. Я это резко ощущаю на комфортном скрипучем сиденье. Знаешь, Мира, ну тебя с твоими загонами! Разберемся дома, все равно пока мы проедем все пробки из центра города, я успею хорошенько вздремнуть.

Но пробок нет. Слишком поздно для них, и даже с закрытыми глазами я ощущаю, что мы замедляемся разве что на редких светофорах. Закон Мерфи во всей красе! Стоит только внутренне перестать ворчать, как меня аккуратно касаются плеча. Не бьют, уже прогресс. Но и не разговаривают — только кивают в сторону улицы.

— Хорошего вечера, — кричит вслед таксист. Надежда на хороший рейтинг умирает последней.

— До свидания, — сухо отвечает Мира. Откашливается, смотрит на меня через плечо. Проверяет, заметила я или нет? А дальше идет в подъезд, словно ничего не произошло. Словно никто больше и не сидел с ней в такси.

В подъезде мы идем следом друг за другом. Она впереди, уверенно переходя каждую ступеньку. Даже без отдышки, счастливая. У меня сводит живот. То ли от нервов, то ли от нагрузки, то ли от алкоголя. Отличное комбо, прошу называть его в мою честь или в честь всех двадцатилетних.

Дома я продолжаю быть призраком. Уставшим, опустошенным и желающим провести пару суток в кровати. Разве

я многого прошу от жизни?

— Дверь не закрыла. Опять.

То есть теперь ты со мной разговариваешь? Руки охватывает дрожью. От стыда и желания поругаться. А можно обращаться со мной по-человечески? Можно замечать меня, а не игнорировать?

— Мира, я признаю, мой косяк. Но что с тобой случилось в клубе?

Смотрит. Своим холодным взглядом. Будто отдала приказ, который не терпит отлагательств. Вот зараза, так и хочется в нее бросить чем-нибудь, либо обидным, либо тяжелым. Окей, развернись, иди в комнату и успокойся, иначе твои эмоциональные качели выкинут тебя, когда будешь делать солнышко.

— Ладно, ладно, и дальше со мной не разговаривай, заслужила. Но больше такого не будет. Когда пойдем в следующий раз...

— Никакого следующего раза.

Голос немного отличается, немного ниже обычного. Сорвала его? К нам в квартиру пробрались воры? Приходиться резко обернуться в испуге, который при всем моем желании не удастся скрыть.

Но Мира все равно. Она закрывает дверь и удаляется в свою комнату. Без лишних взглядов, цоканий или даже язвительных комментариев. Ох, ладно, с этим получится разобраться завтра, а сейчас нужно только выспаться.

Но с каждым шагом моя вина ощущается все сильнее. Это ведь я накосячила, я довела до этой ситуации. А Мира молодец, вытащила из неприятной ситуации. Или ничего не случилось? Сложно, что даже ноги не держат!

Остается сползти в своей комнате по стенке. Я виновата? Или нет? А что будет дальше? Внутри все сжимается, трясется и не дает сосредоточиться. Все силы выжимаются из мышц, чтобы поддерживать эту дурацкую машину тревоги. C'est la vie⁹, что б ее!

Давай, мозг, прекращай тратить наши нервишки, а то мы даже до кровати не дойдем. Сосредоточься на чем-то другом, а не на самокопании. Стол со стеклянной столешницей весь в пыли. Я так его и не протерла. И кровать не заправлена... Удушающий комок в горле, ты должен уменьшаться, а не расти!

Ох, закрой глаза, лучше руками. Постарайся подумать о чем-то отвлеченном. Двигайся от этого момента назад, пока не найдешь что-то приятное, успокаивающее. Не нервотрепное. В клубе ведь было что-то хорошее, верно?

«Я... Я...». Что она хотела сказать? Что она не Мира? Сама не узнала свое имя?

Разум цепляется за этот вопрос как за спасительный канат. Как там пели КИШ? «Тяни, ты все равно меня не вытянешь»? Попробовать стоит. Что это могло значить? Если подумать, за наше короткое совместное проживание я заме-

⁹ Такова жизнь (фр.)

тила несколько странностей в поведении Миры. Может, есть смысл их фиксировать? А потом показать врачу.

Я понимаю, что меня за эту идею по головке не погладят, но сейчас она выглядит как спасение. Кто-то вышивает, рисует, бегает в парке, а я буду фиксировать странности своей соседки. Отличный ведь вариант!

Белый лист ворда озаряет комнату тусклым светом, и я быстро набираю все ту же фразу: «Мира?». Задумываюсь, откидываясь на спинку кресла. От следующего вопроса вновь пробегают холода по рукам, и я стремлюсь скорее от него избавиться, фиксируя на экране.

«Но если это была не Мира, то кто?»

Мира

Проснуться в собственной кровати кажется чем-то странным. Любимая пижама, волосы собраны в короткую косичку. Даже щеки не отдают болезненной сухостью. Значит, в этот раз я не забыла нанести ночной крем. Проблема только в том, что все остальное вспоминается с трудом.

В животе недовольно урчит, и я ищу тарелку, на которой обычно складываю печенье. Или крошки от него. Но в комнате нет ни того, ни другого. Ситуация становится все интереснее.

Стрелки на настенных часах сходятся на цифре 11. Такое количество сна — неслыханная роскошь. Будем считать, что я ее заслужила.

По пути на кухню я включаю интернет на телефоне. Тишину разрывают сигналы многочисленных сообщений в наушниках, среди которых выделяются два.

«Прости за вчерашнее» в сопровождении десятка смайликов от Жени.

«Спасибо огромное! Я твой должник!» от Паши, без смайликов. Четко, ясно, по делу. И совершенно непонятно.

Утренние загадки казались сложнее анализа текста. Я сдвигаю экран блокировки, и ощущаю, как лоб превращается в морщинистую гармошку. Сообщения бегут перед глазами, я начинаю хрустеть костяшками пальцами, чтобы успокоиться.

Один хрусть, второй хрусть.

Что вчера было? Мысли крутятся вокруг прошедшего вечера, но упорно врезаются в глухую стену. Ничего, пусто. Как будто вспоминаешь сюжет книги, которую открывал на случайных страницах лет пятнадцать назад. Проблема, что воспоминания не зауглишь.

С сообщением Паши все понятно — очередная болезнь, с температурой и больным горлом. Придется идти на смену одной. Но когда я успела ответить на него? Сообщение пришло на ночь, и я слишком быстро согласилась.

Дохлый номер, но я хочу кое-что попробовать. Гудки идут слишком долго. Пальцы становятся холодными, и мне начинает казаться, что телефон вот-вот выключится. На той стороне трубки раздаются хриплый голос Паши:

— Чего надо?

— Привет. Прости, что так рано, но... — Я останавливаюсь. Спросить прямо будет глупо, странный порыв сменяется логикой и страхом выдать свое волнение.

— Но? — Кажется, до Паши доходит, что надо бы придерживаться версии о болезни, и в трубке раздается наигранный кашель. — Я хотел поспать, а то температурит.

— Да, извини, я быстро. Это прозвучит странно, но у тебя бывают провалы в памяти от алкоголя?

Мне кажется, что я отчетливо слышу треск шестеренок в его голове. Смазанных парой бутылок чего-то крепкого и точно дешевого. Будь Паша на десяток лет старше, его бы прозвали алкоголиком за все смены, когда он появлялся с запахом перегара. А так он носит гордое звание студента, которого только чудом еще не отчислили.

— Не понял.

Я тоже не все понимаю.

— Паш, это не обвинение. Начальству тоже скажу, что ты и правда простудился. Просто ответь.

В ответ странное причмокивание. Должно быть я его разбудила, и он теперь пытается избавиться от ощущения сухости после алкоголя. Которого, кстати, у меня нет.

— Бывает такое, — сдается он, протягивая каждую гласные. — Но супер редко. И как правило от паленки. А чего вдруг?

Вряд ли в баре продавали паленый алкоголь. Хотя и такое

отрицать не стоит. Но лишь сейчас до меня начинает доходить: у меня нет других признаков опьянения. Все слишком гладко и чисто. Да и не в моей привычке выпивать много.

Невежливо, но я сбрасываю, так и не ответив. Вопросов появляется все больше и больше, из-за чего все мысли скывает страх. Но надо все игнорировать и стараться жить дальше. С работы из-за страха, увы, не отпускают.

Спокойно, откладываем переживания до вечера. Время собираться на работу. Не бойся.

Рутинa ненадолго поглощает волнение, пока я не прохожу мимо комнаты Жени, откуда раздается тихое сопение. В память врезается вопрос, на которой я так и не нашла ответ: за что она извинялась?

Ник

Хвост. Мельтешит перед глазами и не дает сосредоточиться.

— Убери ее. Мешает думать.

— Еще скажи, что ты грязи боишься.

Нет. Но не удивлюсь, если после его слов появится шерсть. Ну уж нет, это мое жилье.

— Надо что-то делать с Женей.

— Надо что-то делать с тобой, — его чертово спокойствие только выбешивает. Он бросает тканевый мячик, тот отталкивается от стены, а после оказывается в собачей пасти. Дори смотрит на дверь в комнату, куда я еще никого не пускал.

И не надо им туда. Как у себя дома. Мне точно не помешают замки. — Давай я выйду и обсужу всю ситуацию, спокойно и миролюбиво, пока она не сочла нас странными. Женя не похожа на девушку, с кем работает строгость.

— Строгость работает со всеми.

Он кидает мячик снова, но Дори скулит и никуда не спешит. Тычется носом ему в плечо. Она так делает, когда ощущает волнение. Эмпат, вся в хозяина.

— Я знаю, что ты хочешь сказать. Давай уж.

Держи себя в руках. Спокойно. Сейчас этот рыжий скажет что-то, от чего мне будет плохо. А если я не сдержусь, он будет припоминать это всю нашу жизнь.

Зараза, намеренно не торопится. Встает с пола, медленно отряхивает узкие желтые штаны. Модник, редко кто тут так часто меняет одежду. Разворачивается и подзывает собаку к себе. Она хорошая девочка, подбегает даже раньше, чем он делает жест рукой. Вот бы ее владелец был таким же послушным.

Подбираю с пола мячик. Мокрый от слюней. Местами торчат нитки. Завтра наверняка будет как новенький.

— Знаешь, а ведь если бы не строгость, некоторых из нас могло бы и не быть.

Дверь закрывается раньше, чем я выпадаю из транса и бросаю игрушку им вслед.

Ненавижу, когда он вот так раздает советы. Когда он пытается перехватить контроль.

22 сентября, 2023

Женя

Он читает с экрана ноутбука слишком медленно. Это слабость к концу недели или его окончательно доконала краснодарская жара? Мне должно проще, я изначально из этого города. А вот над переехавшим дальневосточником остается только посмеяться. И посочувствовать, конечно. Кто же знал, что если ты переезжаешь на юг, то твои расходы автоматически увеличиваются как минимум на один кофе со льдом в день? Если гуляет со мной, то два.

Андрей потирает глаза и медленно касается тачпада ноутбука. Я вроде всего полторы страницы написала, а не дипломную работу!

Музыка из кофейни сменяется классикой — под трек Драконов несколько девушек за соседним столом хором подпевают “thunder¹⁰”, меняя его на слово «панда», а потом дружно смеются. Интересно, а люди, кому английский чуть ли не внедряли под кожу с рождения, реально не могут разобрать слов этой песни? Холодок пробегает по рукам, и мне хочется верить, что дело в резко подувшем ветре с реки.

— Ты в писатели подалась, да? Клево читать.

Спасибо, великий литературный критик. Ну прямо Гали-

¹⁰ гром (англ.)

на Юзефович¹¹ в мужском обличии.

— Я серьезно вообще-то. Согласись, что поведение странное.

— Ага, но ты еще тот сталкер. Отстань от девчонки, мало ли что с ней. Пашет как проклятая, судя по твоим рассказам. Вот и результат. Ты меня для этого позвала?

Пластиковый стаканчик с кубиками льда мнется под пальцами. Чуть холодный кофе выплескивается из стакана и верно проделывает свой путь: стол, бежевые шорты, такого же цвета топ. Давайте, коричневые пятна, захватите не только мою одежду, но и остатки моих нервных клеток! Вы явно сегодня с Андреем в сговоре.

— Благодарю за поддержку. — Даже это удастся выдать с трудом. Если бы сейчас он оттирал пятна, было бы не так обидно. — Окей, допустим, я накручиваю, но посуди сам. Ходит во сне, причем с четким взглядом. Часто что-то забывает. Панические атаки вроде той, что была в клубе. Зато на следующий день делает вид, будто ничего не было. Она вообще не поняла, за что я извинялась перед ней в сообщениях!

— Обстановку не хочет накалять. — Он пожимает плечами и впивается зубами в свой сэндвич. Ломтик помидора опасно пытается выскользнуть, но Андрей быстро подцепляет его руками, не давая упасть на брюки. Никакой кармы в этом мире.

¹¹ признана в РФ иностранным агентом

— Ну я серьезно. Меня это... — Я делаю паузу, слишком долгую. Что тут сказать? Волнует? Беспокоит? Ну уж нет, даже от проговаривания этих слов про себя по телу пробегает дрожь. — В общем, я не понимаю, что делать.

— Не лезть в чужую жизнь? Жень, не накручивай, у тебя и своих проблем достаточно. Сколько раз ты была в универе за это время?

Предатель. Впереди на набережной пара детишек с небольшими корзинками предлагают прохожим купить у них шоколадки. Марсы, сникерсы и все прочее, что еще каким-то чудом осталось в России для перепродажи мелких маркетологов. Эх, счастливое поколение, уже сейчас думает о финансовой грамотности.

В голове вертится едкий ответ Андрею. Уколоть его, напомнить про все косяки. Но мой запоздалый план прерывается телефонным звонком, на который совершенно нет ресурса отвечать.

Приходится отмахнуться от Андрея и отойти в сторону.

— Привет, мам.

— Женечка, привет! Как ты там? Ты когда к нам приедешь?

Вполне в ее духе — сразу о главном.

— Все нормально, но дела. Хотела приехать, но с учебой завал, пары поставили на субботу вечером, а сегодня приходится готовиться к тесту по французскому.

Мое вранье скрашивает теплоход, решивший включить на

своём борту музыку. Кому вообще взбрела в голову идея кататься по Кубани? Что вы тут увидите? Полузаброшенный парк и недострой какого-то бетонного замка? Тоже мне Парфенон.

— Понятно... — Она слишком многозначительно протягивает гласные. Догадалась, что вру, я уверена, но не признается. Хитрость — это у нас семейное. К сожалению. — Папа тут грибов засушил, я еще летом абрикосы закатала. Заехала бы, взяла в город. Да и море пока теплое могла бы искупаться.

— Мам, вопрос времени, сама понимаешь. До Ейска сейчас часа 4 на автобусе, если без пробок. А пробки будут, сезон ведь не закрыт. Вот и выйдет, часов по 10 на дорогу.

И минус тысячи три бюджета. Еще потом тащиться с банками, которые открою в лучшем случае во времена апокалипсиса.

— И когда у вас каникулы? Или мы можем приехать, ты все равно в квартире живешь, работа у тебя непонятная, так что время для нас часик найдется. Можем даже в будни. У тебя выходной среди недели есть, верно?

— Да зачем вам мотаться. Тем более работа у меня нестабильная... — Я быстро осознаю, что это не самая лучшая фраза. — Могут завалить в любой момент.

— Не думала что-то получше поискать? У тебя ведь подружки вроде в школах работают. Или как-то в интернете. Там стабильнее, нет? По графику?

Ага, с нагрузкой по десять часов в день, маленькой зарплатой и необходимостью отчитываться. Один только последний пункт вызывал мурашки.

— Мам, давай потом поговорим. Завтра тест правда сложный, готовиться надо. Папе передавай привет.

Из телефона доносится еще десяток слов про поцелуи и напускную любовь, а меня начинает подташнивать. Кажется, что если посмотреть в заблокированный экран, то лицо отразится белым призраком. Или маской, как в зеркале в «Белоснежке». Вот так и решай остаться в родном городе. Родители переживают — поздний ребенок, одна в большом мегаполисе. Они меня оставляли с мыслью, что я найду стабильный заработок, буду к ним регулярно ездить, наслаждаться покоем, плавать по утрам в море, а вечером есть свежие фрукты.

В итоге редкие поездки к ним превращаются в многочасовую закатку всех фруктов и овощей по банкам. А после октября прошлого года время от времени пролистываешь новости, боясь снова увидеть смешное название этого городка в сводках новостей.

— Снова забыла, что хотела поехать к родителям? — Ехидная улыбка Андрея окончательно добивает меня. Знает, что тема больная, а все равно шутит.

— Ой, иди ты в жопу.

Одно плечо побаливает от рюкзака с ноутбуком, за моей спиной тишина. Либо от обиды закладывает уши, либо он правда не знает, что сказать. Относительно хороший выход-

ной окончательно обрел статус фиаско. Едкое чувство одиночества даже вызывает легкую мигрень. Приходится забежать в супермаркет, где кондиционеры приводят в чувство. И это я еще вышла не в самое пекло.

Конечно, набережная и центр рядом, потому и магазин будет соответствующий. На некоторых полках заманчиво поблескивают зарубежные вкусняшки. Даже есть оригинальная кола, которая как-то сама оказывается у меня в руках. День тяжелый, надо поднимать настроение. Группу моральной поддержки завершает коробочка удона с овощами и цезарь с креветками. Зачем нужен психолог, если есть разделы кулинарии?

Приехать домой, наесться и сесть за заказы. Хотя мысль о работе вызывает еще большую усталость. А что если...

Бутылочки с вином слишком заманчиво выложены вокруг искусственных листьев и пластиковой клубники. Среди них выделяется то самое, инстаграмное игристое неестественных цветов. С блестками, словно выжатое из единорога. Голубое, золотое, серебряное. Так хотелось его попробовать, сделать пару-тройку красивых кадров. У меня не так много денег до конца месяца... Но ведь это проблемы будущей Жени, верно?

Яркая бутылочка отливает голубым бликом в полупрозрачном пакете. Я запрыгиваю в кряхтящий троллейбус и падаю на чуть порванное сиденье. Осадок сегодняшнего дня сваливается грузом на плечи и хочется только как можно

скорее убрать весь внутренний брак этими химозными алкогольными блестками.

Пить лучше одной — больше алкоголя, меньше осуждения. Но горькое чувство одиночества продолжает барахтаться внутри и искать кого-то для компании. Это я так не люблю быть одна или дурацкие социальные нормы не дают мне жить спокойно? Как там говорили, пить в одиночестве — верный признак алкоголизма? Женский алкоголизм не лечится? Ерунда! Но почему она всплывает в памяти именно сейчас?

Телефон жужжит уведомлениями, и я только смахиваю их в сторону.

«Народ кто нашел вопрос на вопрос 4 и 5 плис».

«Женечка, так я откладываю тебе несколько баночек варенья?»

«Как там работа? Успеешь к среде? Это дедлайн»

Хочется послать всех и вся и в то же время найти укрытие, поддержку.

Звонок Насте превращается в бездушные гудки, которые будто издеваются — смотри, человек поставил на беззвучку, значит он занят чем-то поважнее, чем ты. Можно попробовать крайний вариант, но она точно откажет. Работа, учеба... Да почему вы все так помешались на этих двух пунктах и разучились наслаждаться жизнью?

От злости я не замечаю, как открываю бутылку и набираю сообщение. Кислый привкус на губах быстро меняет мир во-

круг. Вот и пятый этаж остался позади, а Мира не против отдохнуть этим вечером вместе. Какие чудеса способно сотворить обычное вино!

Мира

— Ириска, студенческий, конспекты, ручка, новенький чехол на Айфон. Вроде на одиннадцатый... Чур это мое!

Лучше кофе бодрит только перебирание вещей, которые забывают посетители. Небольшой ящичек стабильно пополняется каждую неделю разной мелочью. Остается смотреть, как Паша надеется найти там что-то ценное. И после представлять его более разочарованный взгляд, когда владелец потеряшки вернется в кофейню.

— Мне хватит конфетки. Мира, а ты? Выбирай добычу.

Я отмахиваюсь от нашего мини-хламовника и выхожу покурить. Руки слегка потряхивает после... Не уверена, после чего точно. В мыслях некий гам последние несколько недель. Концентрация улетучилась то ли от необходимости бегать на лекции, то ли от целого дня с питчером. А можем, дело в чем-то другом? Например, в этих непонятных пробелах в памяти. Или они мне только кажутся, и я накручиваю? Но ведь мы были в клубе. Вроде бы.

Голова кругом. После клуба жизнь встала на свои рельсы, вот только у машиниста как будто сменился поезд. Почти неделя прошла, а мы пересекаемся разве что вечером. Да и то, Женя погружена в свои заказы, а я слишком вымо-

тана. Надо бы это исправить, соседки все-таки. Стоит мне только подумать об этом, как телефон выводит сообщение с предложением вечером посмотреть сериал. С обязательной припиской, что с меня вкусняшки. Это даже на миг отгоняет усталость и вызывает улыбку. Вполне в духе Жени.

— Хотя бы вечер обещает быть простым.

Хочется остаться одной, постоять, вдруг все проблемы уйдут вместе с дымом от сигареты, но надо работать. Я протираю стол от жижи из пролитых сиропов и корицы. Пальцы прилипают, по мне почему-то пробегают мурашки, рука сама дергается и сносит со стойки иголку с чеками. Похоже, теперь я еще становлюсь параноиком.

— Мир, все в порядке? — Дима отвлекается от клиента, и тот недовольно фыркает. Прямо как щенок, который ударился носом. Мило, но чувство неловкости сковывает изнутри и делает голос теньше.

— Да, вполне, — но организм выжат, хочется только упасть и слиться с полом.

Слишком нервно последние дни. Нам нужен отдых.

Да, нужен отдых. А ведь обычно такие мысли возникают ближе к сессии.

Это все из-за жары.

Но со смены уже не отпроситься, все равно больше половины дня позади. Убираю последствия хаоса, который сама и устроила, и готовлюсь к новым заказам, как вдруг в туман из мыслей навевается логичная идея. Пока Паша пытается-

ся побороть баллончик со взбитыми сливками, я забегаю в коморку.

— Эй, не отлынивай! Скоро начнется аврал!

— Знаю, я быстро!

— И чехол не трожь!

Сдался он мне с моим андроидом. Но одна вещь мне не помешает.

— Ну и зачем тебе ручка? Сама поставишь себе оценки в зачетке?

— Будет подписывать круассаны, которые заберет в конце смены, — откликается из-за кассы Дима. — Давай быстрее доделывай заказ.

Следы от зубов на колпачке будто намекают отказаться от затеи, но вдруг сработает? Ручку в карман, готовность к рабочему дню «на максимум». На душе даже становится легче, а мысли снова обретают ясность. Так вот, как ощущается второе дыхание.

— Держите еще два заказа, чтобы вам не было скучно.

Дима даже не успевает повесить чеки на магнит, как я сразу подвигаю один к себе и ставлю в углу синюю галочку.

— А это еще зачем? — шуруется Паша.

— Чтобы ты у меня не отобрал вечернюю победу.

И чтобы проверить, сколько всего я могу забыть за день.

Стакан за стаканом, заказ за заказом. Перерывы, когда у студентов пары, молитвы выжить, когда у них перемены. Каждая смена — ритуал, который вгоняет в транс. Медита-

ция и спокойствие до желанного мига, когда замок двери в кофейне щелкает изнутри.

Паша что-то бормочит про неминуемый проигрыш. Интересно, его или мой? Взгляд даже не падает на витрину, а я не удивляюсь пропажи части дня. Впереди куда большая интрига.

Двенадцать, тринадцать. Сперва все идет гладко. Но вот один чек без синей галочки. Случайно, наверное, но в горле мгновенно пересыхает, а кисти рук перестают слушаться. Еще два с галочкой, а после пара десятков без них.

— Ну, чего там у тебя? У меня восемьдесят три.

— Меньше, ты победил, — шепчу я, даже не пытаюсь подвести истинные итоги. Победный крик на фоне сопровождается непонятным танцем. Пусть творит что хочет, у меня дела поважнее.

Чеки едва не выпадают из рук, но я выхватываю из них те, что идут подряд без метки. Смотрю на первый и крайний. Промежуток почти в три часа. Получается, именно столько я потеряла во времени? Но как такое могло случиться?

Путь домой происходит в тумане из собственных вопросов. Мир кажется чем-то нереальным. Смотрю вниз и вижу, словно чужие ноги шагают вперед, ведут в магазин. Чужие ладони складывают печенье в корзину. Чужой голос говорит, что оплатит картой.

Приходится остановиться, и это у меня получается. Если бы это не вышло, я бы не удивилась. Со мной происходит

нечто странное. Протягиваю руку вперед, и вижу ее словно раздвоенный контур. Весь мир становится непонятной матрицей, где я главный элемент.

Минута или целый час, но я стою на улице с зажатым в руке пакетом. Закрываю глаза и пытаюсь прийти в себя. Сердцебиение. Первое, что ощущается. Бешеное, бьющее с темпом списывающего на экзамене студента. Зато теперь я ощущаю — это мое сердце, это мое тело.

Идти становится легче, и я решаю отгонять все вопросы. Слишком много непонятного. Мне точно нужен отдых.

Дом обволакивает странным запахом, душным и немного тяжелым. Что-то в этом терпком аромате не дает пройти дальше, будто приклеивает к полу.

Мне это не нравится.

Телефон на кухне разрывается до боли знакомой французской мелодией. Женин телефон. Который пару дней будил меня по ночам, если она забывала отключить звук. Кто-то сбрасывает и пытается позвонить снова. Но ответа нет.

По рукам пробегают мурашки. Отдышка после подъема сменяется задержкой дыхания. Воздух блокирует где-то в районе груди.

Жени нет дома? Тогда почему ее телефон здесь?

Без паники. Она могла просто уснуть.

Нет, телефон кричит так, что услышат соседи.

Отошла в магазин.

Она носит карту под чехлом. С ней точно что-то произо-

ШЛО...

Просто пройди дальше и проверь.

А вдруг она...

Мира, спокойнее!

Ник

Она перепугалась слишком сильно. Не хватало нам еще новых травм. Но телефон лучше отключить.

Кнопку звука удастся найти не сразу. Опыта обращения с айфонами у нас еще не было. На экране висит седьмой пропущенный от Андрея. Голубки поругались? Нам было бы только легче.

Снаружи странный аромат ощущается отчетливее. Алкоголь. Им опрыскали помещение? Теперь понятно, почему я здесь. Женя, что б тебя.

Дверь в ее комнату закрыта, но оттуда точно слышны какие-то шорохи. Стук. Никакого ответа.

— Я вхожу.

Женя вздрагивает. Из ее уха выпадает наушник. Откуда мужской поставленный голос вещает, что участницам пора выставлять оценки.

— Sorry, не слышала тебя.

— Неудивительно. — Я киваю на ноутбук, и она оставляет его на подлокотник. Пробегаюсь взглядом по комнате, от которой ощущается рвотный позыв. Не зря мы не любили в нее заходить. Отдам должное Жене — она смогла немного

спрятать за своими вещами логово этого уродца. Даже полностью застелила диван пледом. Но одну вещь она продолжает поддерживать.

Обхожу диван и подтверждаю свои догадки. Бутылка из-под вина с остатками блестящей жидкости на доньшке. Незнакомо, но все еще неприятно.

— Что случилось?

— Ничего, садись рядом. Давай кино посмотрим.

Не хочется, но я соглашаюсь. Еще с этим мне разбираться не приходилось. Только сейчас замечаю, что в руках зажат пакет с работы, а в животе протяжно урчит. Алкоголь отвлек слишком сильно.

— Тебе Андрей звонил.

Неприятный тип.

— Его проблемы.

В пакете сладкая булочка. Тоже не на мой вкус, но что-то съесть надо. Сладость распространяется по языку ядовитой приторностью. Слишком много сахара, слишком.

А по-моему, в самый раз.

Теперь точно все в сборе. Остается сдерживаться, чтобы не вздохнуть от досады.

— Я думала, у тебя опять заказы вечером.

— Сил нет. — Взгляд уставлен прямо в монитор. Боится отвести в сторону? Закружится голова от спиртного?

— Рассказывай. Вижу, что что-то не так. С Андреем поругались?

Не долго думает и кивает, продолжая пялиться в экран в одном наушнике. В передаче мелькает девушка в свадебном платье. У Жени появляется наглая ухмылка. Даже для кого-то устрашающая.

Давай, включай своего внутреннего психолога.

Ты тогда на что?

Перехватываю ноутбук и закрываю страничку.

— Либо рассказываешь, либо смотрим фильм. Мы вроде на это договаривались.

Поворачивает голову. Медленно, но хотя бы не заваливается на месте.

— Окей. Про что хочешь?

Комедию! Комедию!

— Что-нибудь из научной фантастики? Про космос?

Мог бы и уступить.

Женя слишком легко соглашается и начинает перебирать клавиши на клавиатуре. Ее макушка близко к нашему носу. От волос пахнет мужским одеколоном. Футболку неплохо бы постирать от пота. Прежде она всегда шла в душ после прогулок.

— «Интерстеллер» смотрела? Слышала, что неплохой.

Я соглашаюсь. Хоть какие-то плюсы от этого вечера. Но состояние Жени не дает мне покоя.

Она устраивается ближе и растягивается на кровати, занимая почти всю. Глаза в потолок — мысли явно о чем-то своем. Реклама фильма предлагает сделать ставки на спорт.

Я предлагаю посмотреть фильм в полном спокойствии, чего не делал много лет.

Побудь человеком, спроси еще раз.

Она не хочет. Не видишь? Ей легче справляться самой.

Скажи это бутылке возле дивана.

Деваться некуда, он прав.

— Выговориться не хочешь? Пока фильм не начался.

Шикарное ограничение по времени для душевных бесед.

Ненавижу общаться сразу с двумя людьми. Приходиться сдерживать нейтральное выражение лица.

Она только надула губы.

— Больше шанса не будет. А держать в себе — делать хуже всем.

— Меня бесит моя жизнь.

Последний комочек булочки встает поперек горла от неожиданности. Но Женя продолжает.

— Меня бесит, что все от меня чего-то ожидают. Мама — что я приеду к ним, хотя я хочу скопить денег на то, что я хочу. Универ — что я буду прилежно учиться, хотя им глубоко все равно, выйдет у них еще один переводчик или нет. Андрей — что я перееду к нему и найду «стабильную работу». Все вообще помешались на этой дурацкой стабильности.

— А что в этом плохого?

Не видать мне фильма.

Тихо, тут что-то поважнее.

— Не хочу я. Не хочу я переживать, что кто-то каждый

раз будет вести надзор за мной. Тут ты не так сказала, здесь не так оделась, вот тут опоздала на 2 секунды.

— Не утрируешь?

— Будто ты так не работаешь. — Она недовольно скрещивает руки на груди. Знак защиты. — С заказами проще — принял, сделал, когда удобно. Готово.

— Там же тоже потом контроль со стороны преподавателя.

— Пф, *easy*. Быстро набиваешь руку. Во всех этих недонаучных трудах надо только запомнить формулировки, а дальше заполняй информацию как пустой бланк. Как в ЕГЭ — запомни все клише, подставь несколько своих фраз и готово. А исследовательская часть у гуманитариев — штука несложная, сама знаешь.

За исключением английского.

— Я просто устала. Не хочу ничего этого больше. Почему нельзя просто развалиться на диване и ничего не делать? Можно прожить хоть часик, чтобы в твоей голове не возникали вопросы о том, как прожить всю дальнейшую жизнь.

Знакомо, очень знакомо.

— Обычная взрослая жизнь, к сожалению. С этим приходится только мириться.

Мог бы и получше поддержать. Сами ведь были в такой ситуации, когда начали работать. Напомнить все наши депрессивные эпизоды?

Забудешь такое.

— Только вино в этой жизни и спасает.

— Плохой выбор. Иногда делает мысли более навязчивыми, а поступки — необдуманными.

— Или отключает все вопросы и назойливые голоса в голове. Ладно, спасибо, что выслушала, но давай смотреть фильм.

Она не дает возразить. Нажимает на пробел, оглушая комнату заставкой фильма.

Надо будет с ней поговорить, когда она протрезвеет. Нельзя ее так оставлять.

Теперь я могу вздохнуть, не скрывая этого. Хорошо, что Женя не знает про голоса в голове, которые не заглушит ни один алкоголь.

30 октября, 2023

Женя

— Я тебе точно не мешаю?

В ответ только отмашка. Мира даже не выглядывает из-за книжки, продолжая то и дело лепить разноцветные стикеры на края или помечая что-то внутри карандашом. Богохульство. Учитывая цены на книги сейчас, их стоит беречь и передавать в наследство вместе с драгоценностями и квартирами. Или оставаться в бедности и читать все с экрана ноутбука.

— И как тебе это только удастся, — шепчу я и тайно завидую дару Миры. Кто вообще читает, когда рядом включен мультфильм? Магия, не иначе.

Приходится вернуться к экрану, где рыбка-клоун приводит цитаты из моего детства, но уже на английском языке. Подтянуть ноги к себе и улавливать интересные выражения. Обожаю заказы по педагогике, всегда хороший способ отдохнуть и подзаработать.

Проходят минут десять, когда живот разрывает истошным урчанием, а в голове то и дело навязчиво стучит мысль о суши. Деньги есть, и даже с учетом дальнейших заказов хватает на вполне себе достойную жизнь, но я знаю это ловушку — наесться вкусностями и в итоге отложить работу на попозже. Ну уж нет, так не пойдет.

Чтобы все же не тревожить Миру еще и серенадами из желудка, я лезу в холодильник. Акулы с экрана предлагают поживиться главными героями, но мне куда более привлекательным кажется упаковка зефира Миры. Достаю его в надежде на ее щедрость. Она быстро кивает, мой гениальный план удался.

Не отвлекаться, не отвлекаться. Зефир приятно тает на языке, добавляя моей работе атмосферы кинотеатра. Жаль, что не попкорн. Моя рука тянется к упаковке, когда я замечаю одну странность. Книга остается на столе, взгляд устален вперед. Даже не так, он будто смотрит в никуда, будто меня и вовсе нет в комнате.

— Мира, ты в порядке?

Нет ответа. Ее тело начинает легко покачиваться, а веки медленно опускаются. Потеря сознания? Рефлексивно хочется открыть окно, подать воды или начать паниковать. Получается только последнее. Глаза полностью смыкаются, и она облокачивается на спинку, чтобы не упасть.

Секунда. Другая. Мне становится не по себе. Появляется сильное желание выйти из комнаты, попросить кого-то другого разобраться со всем этим. В голове мелькает только один вопрос: а что делать?

Рука ложится на ее плечо. В памяти мелькают кадры из разных детективных сериалов. Что там надо сделать? Положить пострадавшего на носилки? Массаж сердца? Карандаш между зубов?

Она вздрагивает. По ее телу пробегает настолько резкая волна, что я от неожиданности отпрыгиваю в сторону и удаляюсь спиной о кухонную стойку. Вот теперь первая помощь необходима мне.

— Не пугай так... — выдаю я на выдохе.

— Извини, пожалуйста, не хотел так.

Сразу две странности: мужской род и голос. Тонкий, даже несколько писклявый. Как будто у Миры сменили озвучку, разве что первая была мне куда более знакомой. Но было что-то еще.

— Так... Что случилось?

— Сейчас, секунду.

Мира осматривается, потирая руками колени. Ее спина ровная, плечи отведены назад, а с губ не сползает улыбка.

— Можно? — Она кивком указывает на зефир.

— Они же твои.

— Все равно спасибо.

От нее исходит какая-то непонятная радость. Пугающе. Не хватает только напряженной музыки из фильмов ужасов.

— Все в порядке? У тебя сахар упал? — Мои познания в медицине явно оставляют желать лучшего.

— Можно и так сказать. — Она заглядывает в телефон и несколько театрально поднимает брови вверх. Что там? Пришла слишком крохотная стипендия? — У тебя найдется время?

— Конечно. — Заказ педагогов, прости, время сделать пе-

рерыв. От излишнего официоза Миры к горлу подкатывает ком нервозности.

— Позволь начать издалека. Ты ведь наверняка замечала за Мирой... То есть мной... Некоторые странности?

— То, что ты говоришь о себе в третьем лице, считается?

— В том числе. А еще хождение во сне, забывчивость, необычная манера общения?

— К чему ты клонишь?

Но вместо ответа Мира съедает еще одну зефирку. Это все шутка или пранк? Мира, признавайся, где камеры? Зрочки на миг застывают, а Мира прикладывает палец к губам. Прислушивается, но к чему? Ворох вопросов сводит с ума! Если бы я хотела поломать голову, то нашла бы квест. Или пошла на пары.

— Пожалуйста, только дослушай до конца. И постарайся поверить. Дело в том, что у Миры в голове несколько личностей. И я одна из них. Если быть точнее, один. Кстати, меня зовут Немо, приятно познакомиться.

Гул вопросов в голове утихает и сменяется непривычным затишьем. Рука словно сама тянется в ответ на рукопожатие.

— Немо... Как в мультике? — Ну да, самый логичный вопрос в этой ситуации. Но она тихо смеется и кивает. Или он? — То есть у Миры... Или у вас... Раздвоение личности?

Самой не верится в происходящее, из-за чего слова тянутся неприятной токсичной жижей.

— Лучше «у вас». И да, в простонародье — раздвоение,

пусть нас и немного больше.

— Насколько «немного»?

— А вот это уже личная информация, говорить не буду. Если кто-то захочет познакомиться, он сделает это сам.

Понятно, что ничего не понятно.

— Это все очень интересно, но как бы выразиться получше...

— Сложно принять? Понимаю, но я решил, что тебе можно довериться. По крайней мере, так тебе будет понятнее поведение Миры.

— Как сказать... А спросить могу?

— Конечно. Но если будет что-то личное, прости, не отвечу.

В голове назойливым криком повторяется: what the hell is going on?^{11 12}

— Окей. Как ты вообще вышел. Мира это ощущает? И где она сейчас?

— Тебе ведь знакомо слово триггер?

Вот бы речь шла о сериале, а не о спусковом крючке.

— У каждого внутри есть триггер, какой-то звук, ощущение, вид, при которых мы можем выйти сюда. Или вкус. — Он указывает на значительно опустевшую пачку с бело-розовыми крошками. Когда только успел? — Плюс, я сейчас довольно часто слышал свое имя. Из ноутбука.

— Получается, ты можешь прийти, если я позову тебя и

¹² что, черт возьми, происходит? (англ.)

принесу сладкое?

Его пауза заставляет меня нервно поерзать. Как ускорить время в этом недотриллере?

— Есть еще пара условий, но в целом да. Я могу появиться рядом. То есть Мира будет тут, а я будто бы наблюдателем.

Воображение сходу нарисовало картину, где за твоей спиной постоянно стоит чья-то тень. Черный силуэт с глазами-фонариками. Я невольно попятилась.

— По лицу вижу, что сложно воспринимать такое всерьез. Скорее, в это сложно поверить. И даже страшно озвучить.

— Есть мультфильм «Головоломка». Знаешь?

— “Inside Out”? Знаю.

Он на миг цепенеет. Я произнесла запрещенное заклинание? Типа «Авада Кедавра»?

— В общем, когда мы рядом, это выглядит как в мультфильме. Только у нас вместо эмоций личности, и мы не так сильно влияем на Миру, пусть и наблюдаем за происходящим.

— У вас тоже есть пульт?

Немо-Мира спокойно пожимает плечами. Для него все кажется простой игрой, проблема лишь в том, что я забыла прочесть к ней правила.

— Скажем так, это то, что мы пока не готовы рассказывать.

Его улыбка резко сменяется сжатыми губами и печальным вздохом. Расстроился, что сладкое не бесконечно? Но нет,

снова пустые глаза, он шевелит одними губами. Прямо как рыбка. Да, юмор у меня проявляется к месту.

— Мне надо идти, тут сейчас будет Мира. Не говори ей ничего, пожалуйста, она пока не готова.

А я готова? Почему моего мнения никто не спросил?

— Женя?

Я вздрагиваю. Теперь меня собственное имя пугает, класс.

— Хорошо-хорошо.

Наверное.

— Спасибо. И у меня будет еще одна просьба.

Скажи, что все это шутка. Дурацкая, с хорошим актерским мастерством, но только не реальность. Но его щенячьи глаза говорят об обратном.

— Пожалуйста, поверь нам. Это не то, с чем стоило бы шутить.

И я киваю как-то машинально, но против своей воли. Так медленно, будто суставы в шее поржавели. Он улыбается, явно благодарен. Я дала человеку надежду, только ничего не поняв. Хочется сразу позвонить кому-то, рассказать, отдать еще одну ношу в моей жизни другому. Мне не нужна еще и эти ответственность.

Мира

Книга была у меня в руках. Буквально минуту назад. А Женя смотрела мультфильм на английском. Голова гудела

куда меньше. Похоже, надо начать отслеживать время не только на работе.

— Как себя чувствуешь?

Вопрос скорее риторический. Ощущаю себя человеком, который замечает за собой некие странности. У доктора Джекила тоже все так начиналось?

— Странная слабость, если честно. Как будто давление упало.

— Мы как раз в том возрасте, когда надо думать о давлении.

Голос Жени отдает чем-то подозрительным, неестественным. В голове вертятся сцены из детства.

Класс, я маленькая, на голове нелепый бантик, который по пышности не уступает моим тогда еще непослушным кучеряшкам. Нас учат читать стихи выразительно, не объясняя, что это значит. Резкий тон, срыв. Здесь нужна вопросительная интонация. От страха я не понимаю оба этих слова и читаю еще более неправдоподобно. Вот и сейчас, как тогда, у меня холодком в голове звучит голос учительницы. Или же холодок от той же наигранности в голосе Жени.

— Наверное, день без кофе — слишком страшное испытание для меня.

— Я сделаю! — Она срывается с места и поворачивается ко мне спиной, доставая кружку. Кто еще из нас бариста?

Хочется расслабиться — в конце концов, у меня заслуженный выходной, в который я могу просто залечь с книж-

кой.

Ладно, Мира, успокойся и отдохни. Просто давление, не больше.

Просто давление, не больше. Мое самоубеждение ломается, стоит мне потянуться к книге. Липкими пальцами. Сладковатый привкус на губах тоже выдает себя.

— Мы ели десерт?

Женя делает вид, что не слышит меня, и ей на руку за окном проезжает какой-то лихач. Упаковка из-под зефира. Я ощущаю себя Эркюлем Пуаро. Только вместо убийств приходится расследовать детали собственной жизни.

Мучительные размышления разрывает писк телефона. Приложение РЖД предлагает определиться, куда мне поехать на предстоящие ноябрьские праздники. Выбор скромный: Москва, Санкт-Петербург или Тверь. Родного города в списке нет. Похоже на знак.

— Поедешь куда-то на ноябрьские? Три дня выходных.

Даже не успеваю заметить, как Женя появляется надо мной, а под носом возникает кофейный аромат. Мои переживания, видимо, теперь еще и ускоряют мир вокруг.

— Надо бы съездить к родителям, но смены стоят на выходные, там и без меня много желающих уехать. А ты?

— Скажу, что пары или что-то в этом духе. Мама все заманивает морским воздухом и соленьями, но как-то не хочется терять столько времени, чтобы потом сидеть ночами с работой.

— Ночами? Когда тебя это останавливало? — Женья недовольно цокает.

— Окей, в моем случае днями. Ночью работается лучше, спокойнее. Еще бы комары не ели, и было бы вообще отлично. Кстати, почему ты вообще выбрала Краснодар? Ты же из Ставрополя, у вас вроде есть хорошие вузы куда ближе.

Самый популярный вопрос последних лет снова застаёт меня врасплох. Действительно, почему? Слава, почему?

— Хотелось обстановку сменить. Краснодар кажется спокойнее и безопаснее.

Брови Жени ползут слишком высоко наверх, снова переигрывает.

— Ну правда. Все-таки Кубань, не Кавказ. Вроде похожие регионы, а менталитет совсем разный. У вас здесь люди буянят, потому что творческие и им скучно, а у нас...

— Потому что кровь горячая? — Шутка правдивая, потому и немного пугающая.

— К тому же, здесь есть жильё. От брата досталось.

— А где сейчас брат? Ты про него не рассказывала.

Надеюсь, в аду.

Пальцы коченеют, даже горячая кружка не спасает. Пытаюсь незаметно оглянуться, понять источник этой фразы. Будто бы где-то изнутри, словно моя мысль... Но откуда такая идея? Я ведь даже не помню толком Славу, а фраза про ад кажется одновременно моей и чужой. Как что-то психоделическое из сна, который ты не можешь забыть еще несколь-

ко лет.

— Он умер, поэтому не рассказывала. В армии погиб, я мало что знаю, мне шесть лет было.

Последнее проговорить важнее всего, чтобы не было вопросов о деталях. О тех самых моментах, которые я сама боюсь узнавать. Просто в семье когда-то был еще один человек. Которого я почему-то почти не помню, но помнят родители. Как дальние родственники или прабабушки с прадедушками.

Внутри все сжимается и готовится выпустить набор стандартных фраз: «Не стоит. Все в порядке. Я его даже не помню».

Но Женя молчит. Смотрит в пол, будто пересчитывает дощечки ламината. Ни грусти, ни скованности, которые обычно возникают.

— Прости, но на уме одно выражение, — выдает она тихо.

— Мне жаль?

— Bloody hell!¹²¹³

Смех теплой волной накрывает меня. Впервые разговоры о брате сменились не чем-то печально-траурным, а вот таким, живым, эмоциональным, не подавляющим эмоции, а позволяющими их выдавить. И мне так даже спокойнее.

— Знаешь, ты первый человек, кто не пустился в многословную траурную речь.

— Подумала, что ты и так сыта по горло. Значит, ничего

¹³ Охренеть! (англ.)

не спрашивать о...

— Славе. Вячеслав.

— Мирослава и Вячеслав...

— Оригинально, знаю. Такие вот шутки у родителей. Ладно, давай вернемся к своим делам. Мне лично до ночи сидеть не хочется.

— Ой все! — Женя делает вид, что обижается, и возвращается к ноутбуку. Заметно, она уже не смотрит, а что-то гуглит. Наверное, решила переключиться на другой заказ.

Отложить книгу без закладки было не лучшей идеей. Я спешно пробегаю по строчкам, в поисках места, где остановилась, но в мыслях все играет созвучие двух имен.

Слава и Мира. Мира и Слава. Мирослава — один человек, несущий призрачные воспоминания сразу о двух.

Ник

— Что ты сделал?

Бесит его спокойное лицо. Полное непонимание всей опасности совершенного. И собака, которая стоит между нами.

— Рассказал все, наверняка ты уже в курсе. Я ощущал, что ты где-то недалеко, но не мог пробраться.

— Лучше бы ты ощущал, какие у всего этого будут последствия!

Под моими шагами скрепит пол. От раздражения, явно.

— Слушай, я тоже понимаю всю рискованность своего по-

ступка. Но нам ведь всю жизнь хотелось с кем-нибудь поделиться.

Мало ли, чего нам хотелось.

— В конце концов, апокалипсис не настал. Тем более Миру начала беспокоить ее забывчивость, так и сойти с ума можно.

— Мы и так не до конца здоровы.

Сейчас он снова приступит к лекции о доверии, о терапии. И мы снова уйдем в разговор ни о чем.

А где сейчас брат?

Только тебя не хватало.

— Пожалуйста, только держи себя в руках...

— Надеюсь, в аду.

Черт, я начинаю путаться, кто где. Голос выдает меня, Мира могла услышать. Но все равно ничего не поймет, проверено.

Славе. Вячеслав.

Темнота. Пустота, как вакуум. И теперь я на кухне. Ненавижу быстрые переключения, всегда застают врасплох.

Как же у этого тела все быстро затекает. Спина, руки, шея. Надо заняться спортом, выходить для этого сюда чаще. Но сперва о самом важном.

Хруст костяшек заставляет ее вздрогнуть.

Не пугай человека.

Заметь, пугать ее начал ты. Я только планирую лучше посвятить в курс дела. Чтобы уж точно эта история осталась

между нами тремя.

— Мира?

Научилась понимать переключения? Или просто наугад обратилась?

— Давай по порядку. — Теперь можно меньше искажать свой голос. Редкое удовольствие. — Во-первых, не Мира и не Немо. Во-вторых, ни с того человека ты начала знакомство. И в-третьих, самое главное: даже не думай кому-нибудь сказать хоть слово о нас.

31 октября, 2023

Женя

Два задания из пяти планируемых. Продуктивность — явно не мое сегодня. Как всегда, откладываем все на праздники и верим в великую силу дедлайнов.

Начинает светать, и обычно это сигнал пойти спать. Но спасибо новым обстоятельствам жизни за бессонницу. Хотя бы живется нескучно.

Холодная вода на лицо

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.